

ЛЕВ ОСТРОВИН

ЦИКЛ „АРХИТЕКТОР БУДУЩЕГО“



ПАМЯТЬ ПО УМОЛЧАНИЮ

КНИГА ВТОРАЯ

Лев Островин

Память по умолчанию

<https://litres.ru/74639437>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где искусственный интеллект помогает людям учиться, принимать решения и справляться с трудностями, почти никто не замечает, как незаметно меняется одна вещь: теперь система не только подсказывает человеку, что делать, но и объясняет за него, почему он так поступил.

Алексей Воронов — архитектор, один из создателей этой системы. Он привык доверять её точности и знает, сколько людей получили благодаря ей настоящую помощь. Но однажды обнаруживает, что предложенные программой объяснения попадают в отчёты как собственные слова людей.

След ведёт к правилам, которые когда-то утверждал он сам. Попытка исправить ошибку угрожает разрушить работающую систему помощи, а дома Алексея ждёт другая проблема: его двенадцатилетняя дочь больше не доверяет ему.

«Память по умолчанию» — самостоятельный роман из цикла «Архитектор будущего» о власти технологий, цене благих намерений и праве человека самому рассказывать собственную историю.

Содержание

Часть первая. Подсказка	4
Глава 1. После уроков	4
Глава 2. Согласие	19
Глава 3. Подавить тревогу	31
Глава 4. Исправленный вечер	43
Глава 5. Пакет помощи	55
Глава 6. Мастерская	70
Глава 7. Запасная версия	85
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Лев Островин

Память по умолчанию

Часть первая. Подсказка

Глава 1. После уроков

Воронов купил бумагу, которую Настя не просила.

В лавке у старого путепровода продавали бумагу, которой почти никто уже не пользовался. Лавку держали две сестры: одна объясняла свойства листов, другая молча разрешала их трогать. Алексей предпочитал вторую.

Сегодня он взял шесть листов шероховатого серого картона и набор цветных стержней, а потом долго стоял у окна, наблюдая, как под навесом через улицу рабочий снимает со стены старую схему трамвайных путей. По этим путям уже лет двадцать ничего не ходило. Схему оставили для любителей городских прогулок; недавно таких любителей оказалось слишком много, и управление решило поставить на её месте что-нибудь интерактивное.

Настя хотела успеть срисовать поворот у депо до того, как стену очистят. В воскресенье Алексей обещал сходить туда вместе с ней. В понедельник обещал наверняка. Сегодня

утром, перед её уходом в школу, сказал, что вечером они обязательно выберутся. Теперь был четверг, а рабочий уже свернул половину схемы.

Алексей вынул телефон, навёл камеру на оставшийся кусок стены и сделал снимок. Получилось хорошо: ржавые скобы, потёки, три параллельные линии, расходящиеся к реке.

«Почти то же самое», — подумал он.

Он убрал телефон и пошёл домой.

Настя сидела на полу у окна. Ей недавно исполнилось двенадцать, и она теперь занимала комнаты не целиком, а странными отдельными участками, будто заранее репетировала жизнь в нескольких местах одновременно. На кухне лежали карандаши, в коридоре стояла коробка с вырезанными из плотной бумаги зданиями, в гостиной под столом жил плюшевый осьминог с пришитой дополнительной ногой. Саму Настю можно было обнаружить где угодно, кроме отведённого ей рабочего места.

Она держала перед собой лист, на котором были нарисованы два одинаковых дома. Один казался выше другого, хотя линейка утверждала обратное.

— Это нарочно? — спросил Алексей.

— А ты сначала поздоровайся.

— Привет.

— Привет. Нет, не нарочно. Но теперь уже нарочно.

Он поставил пакет на подоконник. В комнате пахло мокрой тканью: школьная куртка Насти сохла на спинке кресла,

под ней стояла лужица, до которой домашний уборщик добраться не мог. Настя звала уборщика Бесполезным.

— Я тебе бумагу принёс.

Настя повернула голову и увидела пакет.

— Зачем?

— Для карт. Там один лист такой, что карандаш стирается без следа.

— А мне следы нужны.

— Какие?

Она показала один из домов. По контуру шли серые тени от прежних линий.

— Вот эти. Сначала я думала, что дверь здесь. Потом вспомнила: нет, у соседнего подъезда. И теперь видно, что я ошиблась. Это же интереснее.

Алексей опустился рядом. От пола тянуло холодом, хотя климатический блок с утра честно сообщал, что температура оптимальна. Он хотел спросить, почему Настя рисует здания по памяти, если можно посмотреть точный план, но удержался. Этот вопрос он задавал уже дважды, и оба раза дочь отвечала: потому что я так хочу.

— Ты обещал переход, — сказала она, не глядя на него.

— Знаю. Там начали снимать схему. Я сфотографировал то, что осталось.

— Я просила фотографию?

— Нет. Но мы можем посмотреть снимок и дорисовать недостающее.

— Тогда это будет твоя карта.

Он едва не возразил, что схема трамвайных путей не принадлежит ни ему, ни ей, ни даже людям, которые её снимают. Потом представил, как это прозвучит, и промолчал.

— Прости. Не рассчитал время.

— Ты всё считаешь, — сказала Настя. — Даже когда мы куда-то идём. А потом у тебя времени уже нет.

Упрёк задел. Алексей помнил дни её осмотров, заказывал заранее нужные материалы и почти никогда не опаздывал к назначенному часу. Но на прогулку вместо себя никого не пошлёт.

— Ела? — спросил он.

— Немного.

— Что значит немного?

— Это значит, что я не хочу отчёта о питании.

— Я не собирался его составлять.

— Вот и хорошо.

Из прихожей донёсся короткий звонок. Алексей сперва решил, что кто-то пришёл, но Настя уже подняла со стола школьный браслет — неприметную полоску мягкого пластика, на которой только при запросе появлялся экран. Браслет можно было не носить: задания оставались доступны на школьном терминале и на бумаге. Но он подсказывал, где пройдут занятия, сообщал об изменениях расписания и помогал тем, кто стеснялся лишний раз спросить.

Настя не любила, когда он загорался сам.

— Опять, — сказала она.

— Что там?

— Мне предлагают вспомнить день.

— Ну и вспомни. Или пропусти.

— Ты сначала посмотри.

На экране были три короткие карточки с цветными уголками. Первая сообщала, что занятие по городскому моделированию закончилось в пятнадцать сорок. Вторая перечисляла сделанные задания. Третья называлась «Мой выбор».

Сегодня я решила остаться после занятий, чтобы спокойнее разобраться в сложных разговорах с другими людьми. Мне помогло то, что я сама выбрала дополнительное время для работы в группе.

Ниже располагались две кнопки: «Подтвердить» и «Исправить». Кнопка исправления была такой же крупной, как первая; Алексей невольно отметил это с профессиональным удовлетворением.

— И что? — спросил он.

— Ты правда не видишь?

— Вижу, что сводка написана не очень удачно.

— Я не оставалась, чтобы разбираться с разговорами.

— А зачем оставалась?

— Ждала человека.

— Кого?

— Не важно.

— Если хочешь исправить сводку, причину придётся ука-

зять.

Настя посмотрела на него с таким выражением, что Алексей поспешил добавить:

— Не мне. Системе.

— Вот именно.

Настя сама положила браслет ему на ладонь.

В дополнительном окне предлагалось оставить исходную формулировку или написать свою. Под строкой стояла надпись: «Исправления помогают сопровождению точнее учитывать ваши решения».

— Здесь нет принуждения, — сказал Алексей. — Можно закрыть.

Настя забрала браслет.

— Я знаю. Я закрывала вчера.

— И что?

— Сегодня снова спрашивают.

— После занятий сводка обновляется автоматически.

— Ты мне сейчас расскажешь, как она устроена?

— Нет. Хотел понять, почему она пришла повторно.

— А я хотела, чтобы ты сказал, что она неправильно написала.

Алексей пожал плечами, скорее защищаясь от собственного смущения, чем споря.

— Она неправильно написала.

— Поздно.

Алексей посмотрел на оставленный на подоконнике па-

кет. Картон оказался слишком жёстким для Настиных рисунков.

— Там ещё одна карточка, — сказала она.

Он посмотрел. После раздела «Мой выбор» шёл новый пункт: «Если было трудно, вы можете выбрать поддержку». Пункт был отмечен маленькой зелёной точкой. Алексей узнал оформление стандартного подросткового маршрута, над которым работала соседняя группа. При проектировании таких предложений он когда-то подписывал требования к возможности отказа.

— Тебе предложили дополнительный курс?

— Не совсем. Сначала спросили, не хочу ли я поговорить с наставником. Потом написали, что я уже сделала первый шаг. А потом это.

Она потрясла браслетом.

— Ты говорила с наставником?

— Нет. Я нажала, что хочу узнать, что это такое.

— Возможно, система сочла просмотр началом обращения.

— Я не соглашалась. Почему она пишет, что соглашалась?

— Да, — ответил Алексей.

Настя подвинула к себе рисунок и принялась штриховать крышу у дальнего дома. Её пальцы слегка дрожали, когда она долго держала карандаш; потому-то ей и не нравились некоторые режимы учебного сопровождения с их безостановочными короткими вопросами. После десятого вопроса она

раздражалась, после двадцатого путалась, а потом сердито соглашалась с чем угодно — лишь бы её оставили в покое. Она всё чаще тербила левый край листа. Алексей видел это и всё-таки спросил:

— Ты сказала, что ждала человека...

— Пап.

— Всё, молчу.

На кухне загудел разогреватель. Из закрытого отделения выдвинулся контейнер с ужином, заказанным ещё утром: овощи, каша, запечённая рыба. Алексей не помнил, кто составлял меню, но точно знал, что Настя снова не станет есть рыбу. Она ела её только тогда, когда готовила сама, утверждая, что у покупной рыбы слишком правильная форма.

Он перенёс контейнеры на стол, нашёл в шкафу две разные тарелки и разложил еду. Настя пришла через несколько минут, оставив браслет у рисунка. За столом они разговаривали о бумаге, о новой девочке в соседнем классе, которая напечатала себе серьги с изображением собственных ушей, и о школьном празднике городских профессий. Настя сказала, что их группе достались исчезнувшие специальности и она выбрала диспетчера трамвайной сети.

— Диспетчер — не совсем исчезнувшая профессия, — заметил Алексей.

— Ты можешь хотя бы один раз не поправлять? — спросила дочь.

Он засмеялся, но Настя осталась серьёзной.

— Прости. Продолжай.

— Нечего продолжать. У нас теперь вместо профессий занятия, которыми люди увлекаются. А мне надо рассказать, как это было, когда от диспетчера что-то зависело.

— И сейчас зависит. Иногда.

— Вот видишь.

Он поднял ладони, сдаваясь. Настя отодвинула тарелку.

После ужина она собрала тарелки, вытерла стол, хотя уборщик мог справиться с этим сам, и вернулась к окну. Алексей хотел пойти за ней, но телефон завибрировал. На экране появилось имя Дмитрия Ключева и короткая приписка: «Не срочно. Пока ты свободен».

Отвечать Ключеву было не обязательно. Алексей всё-таки ответил.

— Дим, что у тебя?

Ключев говорил с улицы. На заднем плане звенел посудой какой-то маленький ресторан; от этого у Алексея возникло раздражающее чувство, будто Дмитрий умеет одновременно работать и жить.

— Ты ещё помнишь нашу утреннюю переписку по итоговым формулировкам? — спросил Ключев.

— Помню.

— Я переслал тебе пометки двух наставников. Формально ничего особенного, но они оба жалуются на одну вещь: ребёнок выбирает справку, а на следующий день рассказывает, что выбрал курс.

Алексей посмотрел в сторону гостиной. Настя сидела к нему спиной, склонившись над картой.

— В какой группе?

— Смешанной. Обычная школа, часть ребят на терапевтическом сопровождении. Без деталей я тебе не скажу. Увидишь обезличенную подборку, тогда обсудим.

— Это баг отображения или итоговой сборки?

— Вот и я хотел спросить тебя.

— Сегодня не посмотрю.

— Конечно. Я же написал: не срочно.

Алексей когда-то участвовал в разработке итоговых формулировок. Их можно было запросить после сложного дня: короткая версия случившегося, которую человек вправе исправить или выбросить. По крайней мере, так было написано в первоначальном проекте.

— Пришли одну обезличенную, — сказал он.

— Уже отправил. Только, Алексей, не трать на неё вечер. У тебя же Настя.

— Мы поужинали.

— Как скажешь.

Разговор оборвался. Алексей хотел подойти к дочери, но задержался, открывая сообщение. В документе оказалось всего четыре строки. В первой участнику предлагали узнать о курсе спокойного общения. Во второй стояла отметка: «Открыта справка о занятиях, 14:07». Третья содержала итог: «Я решил воспользоваться поддержкой, поскольку по-

нял, что самостоятельных усилий мне недостаточно». Четвёртая была короче остальных: «Подтверждение участника не запрашивалось». Итоговое предложение сформировалось в 14:08 — через минуту после открытия справки.

Он перечитал последние две строки и нахмурился.

Среди служебных пометок был код версии, знакомый до последней цифры. Алексей уже видел похожий случай несколько месяцев назад — тогда выяснилось, что наставник неверно обозначил окончание занятия, и при обновлении карточки система подставила готовую фразу. Исправили за день. На следующий день сообщение исчезло из очереди. Других жалоб не было.

Но сейчас дочь показала ему почти то же самое. А её наставник ничего не подтверждал.

Из гостиной донёсся шорох. Настя складывала листы, готовясь убрать рабочее место.

— Подожди, — сказал Алексей в дверях. — Ты закрыла карточку или нажала «Исправить»?

— Закрыла.

— А вчера?

— Тоже.

— Покажи, пожалуйста, только название раздела. Мне нужен номер режима, не твои ответы.

Настя не сразу повернулась. На её щеке осталась узкая серая полоска от карандаша.

— Ты не можешь просто спросить у своих?

— Могу. Но это другой случай. Я хочу понять, относится ли он к тому же режиму.

— Ты опять сделал из меня случай.

Он отступил, как от резкого звука.

— Я не собираюсь читать твои записи.

— Ты не собираешься сейчас, — ответила она. — А потом скажешь, что это очень важно.

— Мне важно, чтобы с тобой всё было в порядке.

— Ты даже не знаешь, что для меня значит «в порядке».

За стеной звякнули трубы; дом ещё держался на смешанных сетях, которые пережили две программы обновления и одну программу отмены обновления. Алексей вдруг почувствовал, как неловко стоит, прислонившись плечом к дверному косяку, будто пришёл к чужому человеку без приглашения.

Настя взяла браслет, отключила экран и положила его в коробку вместе с карандашами. Затем придвинула тетрадь, густо исписанную клетками, и закрыла её ладонью.

— И сюда не смотри, ладно?

— Не буду.

Она изучала его лицо так, словно решала, какой из ответов надёжнее — тот, который он произнёс, или тот, который он произнёс бы, если бы знал, что именно написано внутри.

— Хорошо, — сказала наконец Настя. — А переход уже совсем сняли?

— Половину. Можем завтра утром сходить до занятий.

— У меня завтра занятия.

— Я знаю. Встанем раньше.

— Я не люблю раньше.

— Тогда после.

— Пап, его же снимут.

У Алексея не нашлось ответа. Он мог заказать точную копию схемы; мог попросить управление сохранить отдельный участок стены; мог, если очень захотеть, вытащить её изображение из городского архива двадцатилетней давности. Но Настя хотела видеть стену такой, какой запомнила её, — с потёками, ржавчиной и чужими ошибками, которые теперь уже нельзя будет стереть и исправить.

— Прости, — сказал он снова.

Она пожала плечами — небольшим движением человека, который уже перестал рассчитывать на удачу и потому не особенно огорчается очередной неудаче. Потом спросила:

— Можно я завтра после школы не буду сразу отвечать на сообщения?

— А если что-то случится?

— Если что-то случится, я отвечу.

— Давай хотя бы...

— Не надо никакого «хотя бы». Ты можешь узнать, что со мной всё хорошо, у мамы. Я ей скажу.

Алексей подумал, что Вера, скорее всего, согласится. И что именно поэтому ему будет трудно с ней спорить.

Он кивнул.

— Хорошо.

Настя неожиданно подошла и обняла его одной рукой. Быстро, не поднимая глаз, как будто попросила какую-то мелочь и поблагодарила, пока он не успел её обсудить. Он хотел обнять в ответ, но дочь уже отступила.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Она ушла в свою комнату. Некоторое время оттуда слышался звук передвигаемой коробки, затем тихо щёлкнула дверь.

Алексей вернулся на кухню и закрыл служебное сообщение. Ему следовало забыть о нём до утра. Вместо этого он открыл журнал личных заметок и записал: «Проверить происхождение формулировки „я решил“ при отсутствии подтверждения». Немного подумал и добавил: «Не использовать случай Насти без её согласия».

Он перечитал вторую строку, поставил после неё точку и закрыл заметки.

Из комнаты донёсся голос Насти:

— Пап, ты обещал не работать сегодня вечером.

Он посмотрел на часы. До конца вечера оставалось всего двадцать три минуты.

— Уже заканчиваю! — крикнул Алексей.

Он действительно собирался закончить. Но сперва сохранил заметку, поставил напоминание на утро и, прежде чем закрыть экран, перечитал одну фразу из обезличенного от-

чёта: «Я решил воспользоваться поддержкой».

Отчёт утверждал, что участник принял решение. Журнал утверждал, что у участника даже не спросили согласия на его запись. Оба документа были выпущены одной системой. Он всё ещё допускал простую ошибку настройки. Но объяснить её предстояло не за счёт Насти.

Алексей положил телефон экраном вниз. На столе остался серый лист из лавки. На нём Настя за вечер нарисовала часть перехода: два пролёта, пустую остановку, лестницу, которой, как она уверяла, там никогда не было. У лестницы стоял маленький человечек с сумкой. Рядом кто-то провёл стрелку, а потом стёр её. След сохранился.

Алексей потянулся было к листу, чтобы рассмотреть поближе, но вспомнил, что обещал не трогать чужие записи, и оставил как есть.

Утром он собирался выяснить, почему программа говорит от чужого имени. Сейчас же следовало погасить свет и лечь спать.

Он сделал это не сразу.

Глава 2. Согласие

В семь двадцать Настя спросила, кто убрал картон с подоконника.

— Я переложил на стол. Там было мокро.

— Я сама могла.

— Могла. Он сохнет на кухне.

Она прошла мимо, не взглянув на отца, и поставила чайник, хотя горячая вода уже была готова. Звук вскипающей воды она любила больше, чем тихое сообщение кухонного блока о выполненном заказе. Алексей давно перестал спорить с этой привычкой. Пустячный спор он бы всё равно проиграл, а настоящего повода для него не было.

За окном двор заполняли дети. Одних подвозили беспилотные школьные машины, другие шли пешком в сопровождении родителей. На нижней площадке двое стариков раскладывали на ящиках шахматы. Они делали это каждое утро, независимо от погоды, и иногда до вечера не начинали партии.

— Сегодня после уроков я к маме, — сказала Настя.

— Я помню.

— А вчера не помнил, что я просила не спрашивать.

— Про занятия?

— Про того, кого ждала.

Он хотел сказать, что не собирается спрашивать. Но обе-

щение, произнесённое заранее, в последнее время почему-то действовало на дочь хуже самого вопроса.

— Да, — ответил он.

Настя поглядела на него поверх кружки.

— Только не проверяй мой браслет через работу. Там же можно, наверное.

— Нельзя без оснований и разрешения.

— Ты умеешь находить основания.

Алексей поставил чашку, так и не попробовав чай. Потом достал из кармана рабочий жетон и положил его рядом с сахарницей. Маленький тёмный прямоугольник, похожий на кусочек пластмассы от старого прибора. Для Насти он означал возможность отца узнавать больше, чем тот рассказывал.

— Я не стану искать твои записи, — сказал он.

— Хорошо.

Она ответила без облегчения. Его заверение ничего не изменило. Это было неприятнее, чем если бы Настя отказалась верить вслух.

До школы он её не провожал: она терпеть не могла, когда отец замедлял шаг у ворот, будто нечаянно задерживаясь. Алексей вышел через пять минут после неё, увидел издали спину дочери с мокрым рукавом куртки и пошёл в другую сторону.

* * *

В здании архитектурной службы пахло мастикой для пола. Обновление покрытия закончили ночью, и по гладкому ко-

ридору никто не ходил прямо: люди ещё выбирали привычные дорожки у стен. На ресепшене лежал бумажный блокнот забытых вещей. В нём были записаны очки, платок, ключ от комнаты, которой не значилось в плане этажа. Алексей каждый раз замечал этот ключ, но ни разу не спросил, куда он подходил.

За последние годы его работа стала ещё менее похожей на управление. Большинство служб выполняли процедуры без человека; архитекторам доставались случаи, где приходилось решать, как отличать достаточное объяснение от удобного. От этого их решения делались всё реже и тяжелее, а чужие ожидания — всё нетерпеливее.

Ключев уже сидел в переговорной, снимал куртку с высокого кресла и одновременно ел тёплую лепёшку из бумажного пакета.

— Ты рано, — сказал он.

— Ты тоже.

— Я здесь ночевал. Есть разница.

— Правда?

— Нет. Но если вдруг кто-нибудь спросит, скажи, что правда. Людям нравится думать, что мы не отдыхаем.

Алексей открыл обезличенный пакет, присланный накануне. Строки не изменились. В четырнадцать ноль семь участник открыл справку о поддержке. Через минуту готовое предложение сообщало от его имени о принятом решении. Подтверждения не было.

— Можешь показать происхождение последнего поля? — спросил он.

— Если оно в стандартном срезе. Личного дела не будет.

— И не нужно.

Дмитрий поднял на него глаза.

— Вчера ты спрашивал, смешанная ли группа, — заметил он. — Ты что-то видел вне работы?

— Ничего, что могло бы быть основанием для проверки.

— Вот как.

— Давай пакет.

В панели появились служебные события. Возле строки «итоговая формулировка» стояло: «Предложено системой». В следующей графе — «уверенность в инициативе» — значение появлялось, когда участник переходил к новому этапу занятий.

— Где он подтвердил, что именно это хотел сказать? — спросил Алексей.

— Нигде. Он подтвердил переход.

Алексей переключил вид. В прежней версии источники отмечались разными цветами. Теперь обе строки выглядели одинаково. Подписи ребёнка в записи не было; в отчёте это различие исчезало.

— Это не подпись, — сказал Ключев, словно отвечая на вопрос, который ещё не прозвучал.

— Я вижу.

— И не контракт на лечение. Ребёнок волен отказаться от

курса в любой момент.

— Ребёнок даже не знает, что его фраза уже находится в отчёте.

— Может исправить вечером.

— А если не откроет сводку вечером?

— На следующий день её покажут ещё раз.

— Как его собственные слова.

Ключев доел лепёшку и свернул пакет узким жгутом. На тонкой бумаге выступили жирные пятна.

— Смотри, в чем твоя ошибка, — сказал он. — Ты видишь одну строку и сразу начинаешь говорить о воле. А я вижу детей, которые раньше не могли зайти в класс, а теперь ходят туда четыре раза в неделю. Мы не переносим их в лабораторию. Мы помогаем им дойти до двери.

— Я не предлагаю закрыть занятия.

— Пока не предлагаешь.

Алексей не ответил. Ключев не был человеком, любящим скрывать неудобное. Поэтому его настойчивость раздражала сильнее чужого вранья: он мог показать живую пользу, и после этого всякое сомнение начинало походить на придирку благополучного человека.

Воронов попросил вывести на экран все разрешённые случаи с тем же статусом источника. Их было немного. В одних дети подтверждали предложение, в других редактировали его, в третьих ничего не делали. Но при формировании сводки молчание получало почти такую же форму, как со-

гласие.

— Сколько их всего? — спросил он.

— В моём пакете семь. Во всём контуре — не знаю. И без причины расширять поиск не дам.

— Семь достаточно, чтобы проверить правило.

— Недостаточно, чтобы сказать, что всё работает неправильно.

— Я этого и не говорю.

— Тогда что ты напишешь?

Алексей посмотрел на поле отчёта. Рядом с фамилией куратора уже стояло «подготовлено к утверждению». Документ должен был уйти в городской совет к вечеру; на основании таких отчётов распределяли не только деньги, которых хватало почти на всё привычное, но и время редких человеческих наставников. В очереди на консультации ожидали подростки, которым автоматические беседы не помогали.

— Что степень добровольности не установлена, — сказал Алексей.

— У нас есть запись, что не было отказа.

— Это запись об отсутствии отказа.

— И что изменится от твоей красивой разницы?

— Сегодня ничего. Пока мы не выясним, почему итог от первого лица оказался в общем поле.

Дмитрий отвернулся к окну. За стеклом рабочие вешали на противоположном здании тонкие полосы отражающей ткани: к вечеру оно должно было стать экраном городского

праздника. Когда-то жители спорили, нужен ли этот праздник вообще. Теперь спорили только о том, кому достанутся лучшие места для просмотра.

— Есть координатор, — сказал Ключев. — Работает с такими случаями в школах. Не любит, когда мы приезжаем по одному слову из отчёта. И правильно делает. Если хочешь услышать, что ей мешает, я устрою разговор.

— Сегодня?

— У неё перерыв в половине двенадцатого. У тебя тоже будет, если хоть раз его себе назначишь.

* * *

Координатор по имени Лидия Сергеевна сидела в небольшом кабинете при районной библиотеке. Учебных книг там почти не было: одну стену занимали полки с головоломками и настольными играми, другую — устройства для людей с нарушениями зрения. За перегородкой кто-то пытался настроить струнный инструмент. Звук каждый раз начинался верно и обрывался на одной ноте.

— Я знаю, за чем вы пришли, — сказала она, не предлагая им присесть. — Сейчас попросите показать карточки, а потом скажете, что мы слишком свободно обращаемся с ответами детей.

— Карточек я не прошу, — сказал Алексей.

— Это хорошо. Значит, за неделю кто-то чему-то научился.

Ключев кашлянул. Было понятно, что они уже встреча-

лись.

Лидия Сергеевна сдвинула на край стола коробку с мелкими прозрачными кольцами. Алексей не понял, для чего они, пока в комнату не заглянула девочка лет девяти и не протянула руку. Координатор без объяснений дала ей два кольца. Девочка надела их на пальцы, поблагодарила и убежала.

— Она боится переходов между комнатами, — сказала Лидия Сергеевна. — Эти штуки помогают занять руки. Нам понадобилось полтора месяца, чтобы она стала заходить без мамы. Простите, какой у вас вопрос?

Алексей открыл общий вид формулировки, предварительно убедившись, что на экране нет даже технического номера ребёнка.

— Когда подросток нажимает «Узнать подробнее», ему иногда предлагают готовый рассказ о собственном решении. Где он должен впервые увидеть, что это только предложение?

Координатор прочитала текст, нахмурилась.

— На вечерней сводке. Если она у него включена.

— А если нет?

— Тогда я не знаю. Вы ведь проектировали эти сводки.

— Не эту версию.

— Я не различаю ваши версии по именам. Я должна понимать, что сказать ребёнку, который спрашивает, зачем система написала вместо него «я хотел».

— И что вы говорите?

— Что система не знает, чего он хотел. Она предполагает. Иногда очень удачно. Иногда глупо. Ребёнок это понимает за две минуты, если с ним рядом есть человек.

— А если человека нет?

— Тогда пусть ваши начальники не называют это сопровождением.

Она наконец показала на стулья. Ключев сел, Алексей остался стоять.

— Вы ведь не закроете нам группу? — спросила Лидия Сергеевна.

— Мы обсуждаем источник одной формулировки, — ответил Алексей.

— Очень хорошо. А для нас это означает, что в пятницу могут не утвердить список наставников. У нас двое взрослых на тридцать восемь детей. Я без них никаких отчётов не исправлю, даже если ваши формулировки станут ангельски точными.

— Я не принимаю решений о составе группы.

— Знаю. Но у тех, кто принимает, глаза всё равно будут читать вашу строчку.

Из-за перегородки наконец прозвучал целый музыкальный такт. Лидия Сергеевна подняла голову, улыбнулась и тут же вернулась к разговору.

— Я не хочу, чтобы ребёнку приписывали чувства, — сказала она. — Но не хочу и того, чтобы ради правильной графы его снова посадили дома. Напишите то, что сможете защи-

тить. Только не пишите про нас, будто мы ничего не делали.

Алексей кивнул. Лидия Сергеевна закрыла коробку с кольцами, оставив два у края стола — для девочки, если та вернётся.

По дороге обратно Ключев молчал. Только у выхода на площадь сказал:

— Ты всегда хотел, чтобы системы не говорили за людей. Вот человек тебе ответил. Теперь попробуй сделать с этим что-нибудь.

— Сделаю.

— Не обещай мне. Я не ребёнок.

* * *

В отчёте нашлось место для сноски из двенадцати слов. Алексей сперва попытался уложить в неё всё необходимое: ограничения выборки, неизвестный статус подтверждения, неточность обозначения источника. Фраза распухла, будто влажная бумага, которую Настя оставила сушиться на кухне.

Он удалил предложение и открыл служебное замечание. Там место было без ограничения, но текст потом должен был пройти личную подпись ответственного архитектора. На практике это значило, что спор придётся вести не с Ключевым и не с Лидией Сергеевной, а с руководителями, которые рассчитывали получить вечером готовую цифру.

«Показатель инициативного согласия не подтверждён исходными действиями участников в доступной выборке. Автоматически предложенные объяснения не должны учиты-

ваться как самостоятельное волеизъявление без явной отметки источника».

Он перечитал и убрал слово «должны». Не потому, что усомнился, а потому, что полномочий изменить правило у него пока не было. Осталось: «Требуется отдельная проверка допустимости учёта».

Когда замечание ушло, на экране появилось уведомление: «Вывод расходится с принятой методикой. Подтвердите авторство».

Алексей подтвердил.

Ключев позвонил почти сразу.

— Мне только что пришёл твой комментарий. Ты серьёзно?

— Да.

— Это отложит утверждение отчёта на два дня.

— В нём по-прежнему есть число посещений. И число завершений. Я не трогал их.

— Число завершений читают рядом с добровольностью. Люди не любят половину истории.

— Так и не называй половину целым.

Ключев шумно выдохнул.

— Знаешь, что я сейчас делаю? Ищу замену координатору на субботу. У неё ребёнок температурит. Мне нужен человек, который умеет работать с тревогой, а не обсуждать определения. Ты когда-нибудь видел такого в очереди на согласования?

— Я не требую снимать наставников.

— Я слышал.

Вызов закончился. Воронов некоторое время сидел неподвижно. На столе осталась открытая папка с незавершённым отчётом.

Из дома пришло короткое сообщение Веры: «Настя сегодня у меня. Не задерживайся с вещами, я заберу её учебный набор из школы». Алексей напечатал «Я могу сам», остановился и стёр. Ответил: «Спасибо. Если понадобится помощь — напиши».

Через минуту Вера сообщила: «Пока не понадобится».

Уже уходя, он увидел на рабочем столе закрытое служебное окно. Из него можно было отправить запрос на номер школьного режима — тот самый, который вчера не захотела показывать Настя. Для этого достаточно было выбрать район, возраст и дату. Служба позволила бы посмотреть лишь техническое имя режима; в обычной ситуации такой запрос никто бы не заметил.

Алексей закрыл окно, не выбрав район.

На улице вновь зазвучал инструмент из библиотеки. Музыкант справился с трудным местом и теперь повторял его слишком быстро, наслаждаясь тем, что получилось. Алексей подождал, пока мелодия закончится, и пошёл к остановке.

Глава 3. Подавить тревогу

В понедельник утром Ключев прислал Алексею адрес и четыре слова: «Приходи без служебного лица».

Под сообщением была фотография узкой лестницы. Над нею висела табличка: «Центр дополнительных маршрутов». Ступени на снимке выглядели недавно отмытыми и совершенно пустыми.

Воронов ответил: «Какое у меня ещё лицо?»

Дмитрий позвонил вместо ответа.

— То, с которым ты заходишь в кабинет и все ищут, где бы расписаться. У нас сегодня занятие. Ты хотел понять, что люди получают от программы. Приди и посмотри. Не записывай никого, ладно?

— Я умею не записывать.

— Потренируйся.

Алексей хотел отказаться. С утра его ожидало обсуждение служебного замечания, которое он оставил в пятничном отчёте. За выходные оно успело превратиться из просьбы проверить методику в «оспаривание результатов городской программы» — так было написано в приглашении. Он перенёс встречу на вторник и пошёл пешком.

Район за рекой когда-то строили для рабочих двух предприятий, давно превратившихся в автоматические производственные узлы. Большинство жителей теперь работало по

желанию: кому-то хватало базового дохода, кто-то выращивал редкие сорта овощей, занимался ремонтом музыкальных инструментов или на несколько месяцев уходил в муниципальные бригады помощи. В окнах первых этажей открывались мастерские и классы. Самые длинные очереди по утрам собирались не за работой, а за правом попасть к живому наставнику.

Возле нужного дома женщина передвигала с места на место тяжёлую сумку с колёсами. Алексей предложил помочь.

— Не надо, — сказала она, но не отпустила ручку.

Сумка стояла поперёк входа. За стеклянной дверью виднелась та самая лестница с фотографии. Женщина смотрела внутрь так, словно за дверью был не центр поддержки, а чей-то чужой дом, куда она явилась без приглашения.

— Вы здесь впервые? — спросил Алексей.

— В сто первый. Мне сына дождаться надо.

Она оттащила сумку к стене. В ней что-то стукнуло; женщина поморщилась.

— Колесо сломано, — сказал Алексей.

— Да нет, оно так всегда. Вы проходите.

Он поднялся на второй этаж. На стене между пролётами висел старый плакат: толстый белый человечек шагает по нарисованному кругу, внизу слова «Попробуй ещё раз». Кто-то дописал карандашом: «А можно не пробовать?» И рядом, чужим почерком: «Можно». Алексей задержался. Он не мог определить, кто из взрослых или детей поставил последнюю

точку. Эта неопределённость была приятна.

На площадке его встретил Ключев. Сегодня Дмитрий был без форменной куртки и с мокрыми от дождя волосами.

— Тихо, — сказал он. — Они начали. Я тебя только предупреждаю: всё может сорваться, тогда мы будем сидеть здесь до обеда.

— Что именно?

— Не что. Кто. Парень, которого ты сегодня увидишь, три месяца назад не мог войти даже в этот коридор. Теперь иногда сам открывает дверь. Иногда нет.

За одной из дверей кто-то рассмеялся, затем раздался стук упавшего предмета. Следом — длинная тишина.

— Ирина снаружи, — сказал Ключев. — Если она попросит не мешать, не спорь. Она здесь лучше нас всех понимает, что происходит.

— Ирина — мать?

— Да.

Женщина с сумкой уже поднималась по лестнице. Увидев Ключева, она кивнула, но не улыбнулась.

— Опять поставили стулья кругом? — спросила она.

— Сегодня дети сами решали.

— Когда взрослые говорят «дети сами решали», всегда оказывается, что стулья уже стояли.

Дмитрий сделал вид, что не услышал. Ирина прошла в соседнюю комнату, не закрыв дверь. Алексей увидел там чайник, несколько свёрнутых пледов и три пары непривычно

больших домашних тапочек.

— Вы его врач? — спросила она Воронова, возвращаясь.

— Нет. Я занимаюсь правилами, по которым такие программы работают.

— Тогда вы мне даже полезнее. Скажите, можно сделать так, чтобы каждый раз не приходилось заполнять новый вопросник?

— Какой именно?

— Когда он вчера не пришёл, система решила, что он отказался от занятия. А он просто не смог спуститься из квартиры. Сегодня нас попросили опять выбрать маршрут. У него от этого словосочетания руки трясутся.

Ключев протянул ладонь.

— Ирина, я же написал, что восстановим.

— Вы написали. А я в семь утра стояла перед телефоном и выбирала: подтвердить, что всё хорошо, или сообщить, что снова не хорошо. Никакой кнопки «Мы ещё попробуем» там нет.

Она сказала это без жалобы, почти с усталой деловитостью, и пошла к лестнице. Алексей хотел спросить, как зовут сына, но дверь в комнату для занятий открылась, и на площадку вышел высокий мальчик в широком сером свитере. Он держал перед собой обломок карандаша. Мальчик остановился в дверях, увидел троих взрослых и повернулся обратно.

— Миша, — негромко сказала Ирина.

Тот не обернулся.

Ключев сделал шаг к двери, но женщина удержала его за локоть.

— Не надо. Подождём.

Они ждали. За окном хлопнула створка от ветра. Вниз по лестнице прошёл человек с коробкой складных подносов; Ирина прижалась к стене, и колёсная сумка опять прокатилась у неё под ногами.

Через несколько минут Миша вышел во второй раз. Теперь он прошёл два шага и сел на пол, прислонившись плечом к двери. Алексей заметил, как медленно его пальцы разгибаются на обломке карандаша. Тот сломался окончательно. Мальчик посмотрел на две половинки, одну положил рядом, другую оставил в руке.

— Внутри можно, — сказал Ключев.

— Здесь тоже можно, — ответил Миша.

— Можно, — сказала Ирина.

Он сидел ещё минуты четыре. Потом поднялся и вернулся в комнату, оставив дверь приоткрытой.

— Вот, — тихо сказала мать. — А на прошлой неделе его увезли бы отсюда домой. Он просто не смог бы зайти.

Она сообщила это не как победу программы. Скорее как человек, который утром сумел открыть заклинившую дверь и пока не знает, закроется ли та снова.

* * *

В комнате было пятеро подростков и два наставника.

Алексей остановился в дальнем углу, куда ему указали, и сел на низкую скамью с коробками настольных игр. Занятие никто не прерывал ради него.

На полу лежали карточки со словами «остаться», «уйти», «попросить», «передумать». Ребята должны были выбрать одну и показать, что она означает без слов. Девочка у окна продемонстрировала «уйти», взяла куртку и действительно вышла. Несколько человек рассмеялись, а наставница спокойно написала в журнале её имя, не посылая вдогонку напоминаний.

— Она вернётся? — шёпотом спросил Алексей Ключева.

— Не знаю.

— И это допустимо?

— Ты бы предпочёл её удержать?

— Я спросил.

— А я ответил.

Миша достал карточку «попросить». Он долго не решался встать. Когда поднялся, оказалось, что свитер на нём надет наизнанку; этикетка торчала у шеи. Алексей заметил, что мать в дверях тоже увидела её и отвела глаза. Миша подошёл к наставнику.

— Я хочу другой предмет, — произнёс он.

— Какой?

— Не знаю. Этот не подходит.

— Можно выбрать снова.

— Но мне сказали, что должно быть пять заданий.

— Сегодня четыре.

— Вчера было пять.

— Сегодня четыре, — повторил наставник.

Миша кивнул, положил карточку на место и выбрал «передумать». Кто-то захлопал, но наставница подняла руку. Аплодисменты прекратились. В этой комнате даже одобрение требовало осторожности.

Во время перерыва подростки ушли пить воду и разговаривать на площадке. Один мальчик с веснушками вернулся за забытым значком и спросил у Алексея, не новый ли он наставник. Услышав, что нет, он тут же потерял интерес. От этого стало легче.

Ирина вошла в комнату за пальто сына. Алексей помог ей снять его с верхнего крючка.

— Вы видели? — спросила она.

— Видел.

— Раньше я его за продуктами не могла вывести. Мы стояли у лифта по сорок минут. Он уходил назад, я ругалась, потом сама плакала. После этого ещё два дня не разговаривали. Здесь нам не обещали, что он станет другим. Сказали только, что мы можем перестать бороться за каждый шаг. И вот он сегодня вернулся в комнату сам.

Алексей протянул пальто. Оно было лёгким, не по сезону.

— Я не собираюсь предлагать закрыть центр, — сказал он.

— Вы это уже говорили Дмитрию. Он мне пересказал. Но я вас не об этом спрашиваю.

— А о чём?

— Если он снова не придёт, вы нам дадите место на следующем занятии или опять попросят заполнять согласие с первого раза?

Ключев стоял рядом и слушал. Алексей обратился к нему.

— Можно сохранить запись о маршруте, не объявляя пропуск отказом?

— Можно ввести ручное исключение, — ответил Дмитрий. — Но его подписывает координатор.

— Она сейчас занята, — сказала Ирина. — Вчера тоже была занята.

— Я подпишу сам до конца недели, — сказал Ключев.

— Чтобы я в пятницу опять пришла вас искать?

Он промолчал.

Алексей сел за маленький столик, достал рабочий блокнот, не подключённый к общей сети, и записал имя ответственного сотрудника, продиктованное матерью, и номер общего регламента. Не имя Миши, не его историю, не диагноз — только правило, которое можно было исправить без чужого согласия.

— Я передам это на рассмотрение сегодня, — сказал он.

— Но не могу обещать, что всё поменяют завтра.

— А завтра и не надо, — ответила Ирина. — До среды у него нет занятий. В среду бы уже хорошо.

Она забрала пальто и ушла.

Ключев откинулся на спинку маленького стула. Тот тихо

скрипнул.

— Теперь понимаешь, чего стоит любое изменение? — спросил он.

— Понимаю, чего стоит отсутствие простого варианта «я ещё попробую».

— Это тоже. Только не перепутай: они держатся не на двух словах в отчёте, а на том, что сюда приходят каждый день.

— Я видел.

— Хорошо. Тогда посмотрим на итоговые карточки. Ты ведь за ними пришёл.

На экране наставника были разрешённые общие сведения занятия: присутствие, длительность, количество выбранных упражнений, без имён и индивидуальных описаний. Внизу лежал набор подготовленных фраз, из которых подросток мог составить рассказ о дне. «Я сам выбрал сложное упражнение». «Мне помогло, что меня поддержали». «Я захотел вернуться».

— Их никто не заставляет подтверждать, — сказал Ключев.

— А в общей сводке они потом идут как собственное объяснение?

— Если подросток не исправляет.

— Но он мог прийти потому, что его привела мать. Или потому что вы дали ему возможность уйти. Или просто оттого, что двери сегодня не закрыли.

Дмитрий посмотрел на пустую комнату. На полу осталась

карточка «передумать», которую Миша положил не на общий стол, а у ножки стула.

— Тебя пугает, что кто-нибудь скажет «я захотел вернуть» вместо «мама уговорила меня снова попробовать»?

— Нет. Меня пугает, что в отчёте потом останется только первая фраза.

— А если он действительно захотел?

— Пусть скажет сам. Можно ведь спросить.

Ключев взял карточку с пола и положил её на стол. Потом вздохнул.

— Ты всегда приходишь к самому неудобному моменту. Сначала научили людей не бояться говорить, а теперь ты предлагаешь не подсказывать им слов.

— Я предлагаю различать слова, которые сказали они, и слова, которые предложили мы.

— Для тебя это граница. Для кого-то — первая возможность хоть что-нибудь произнести.

Они оба замолчали. Из коридора послышался Мишин голос: он просил мать не нести сумку за него, потому что колесо можно починить. Ирина сказала, что согласна, если он сначала доест бутерброд. Мальчик ответил что-то неразборчивое, но на площадке снова засмеялись.

* * *

После занятия Ключев отвёл Алексея на крышу. Там за невысоким ограждением росли травы в длинных ящиках. Часть растений давно высохла, и лишь у дверей зеленели

плотные маленькие кусты, за которыми кто-то явно ухаживал.

— Вон тот центр закрывали четыре года назад, — сказал Дмитрий, показывая на низкое здание через дорогу. — Был хороший врач, но стало мало обращений. Машины выдавали задания дома, статистика показывала, что люди справляются. Через месяц мальчик оттуда пропал на трое суток. Нашли у бабушки в пригороде. Ничего страшного, только он не знал, как попросить человека о помощи. Он честно выполнял всё, что ему советовали, пока советы не кончились.

— Почему ты мне раньше не рассказывал?

— Рассказывал. Ты сказал: «Нужны показатели передачи случая на очное сопровождение». Я тогда с тобой согласился. Показатели сделали. Потом пришлось искать людей, которые будут на них реагировать.

Алексей вспомнил номер задачи. Лица мальчика он никогда не видел.

— Мы не собираемся отменять наставников, — сказал Алексей.

— А кто будет оплачивать их, пока ты проверяешь свою графу?

— Дмитрий...

— Ирина утром спросила, будет ли занятие в четверг. Не о графе спросила.

Алексей подошёл к ящикам. Ночью был заморозок, и на краях земли ещё держались белые кристаллы. Он провёл

пальцем по сухому листу; тот рассыпался в ладони.

— Если за него дописывают ответы, мы не узнаем, что он выбрал.

— А сегодня он пришёл сам, — сказал Дмитрий. — Ты это видел.

— Видел.

— Вот и не потеряй это из-за отчёта.

Дмитрий ушёл вниз. Алексей остался ещё на минуту. Снизу доносился скрежет: кто-то пытался снять испорченное колесо с тяжёлой сумки. Потом раздался материнский крик, короткий смех и стук инструмента об асфальт.

По пути в службу Алексей отправил заявку на исправление маршрута пропущенного занятия без принудительной повторной регистрации. Заявка касалась общего правила. В поле обоснования он написал: «Пропуск не тождественен отказу». Он перечитал фразу, оставил её без поправок и отправил заявку.

Уже вечером пришло подтверждение: для ближайшего занятия ручное сохранение места разрешено. Рядом стояла подпись Ключева. Ни слова о карточках и согласии.

Алексей набрал Дмитрию «Спасибо», посмотрел на подпись под решением и стёр. В личном блокноте он записал два наблюдения. Первое: Миша сегодня сам вернулся в комнату. Второе: неизвестно, какие слова Миша выбрал бы, если бы ему не предложили готовые.

Он не стал их объединять.

Глава 4. Исправленный вечер

Письмо от Жени Мельника пришло без обращения. В теме стояло: «Вы же там разбираетесь».

«Мне сказали, что я сам ушёл из группы. Я не уверен. Вы можете сказать, где это написано?»

Подписи не было, только имя и обратный адрес городского почтового узла. Алексей перечитал сообщение дважды. Вопрос мог оказаться обычным недовольством школьника, которому не понравилась формулировка дневника. Мог и вовсе не иметь отношения к проверке. По правилам ответ должен был прийти не лично от архитектора, а через службу обращений.

Он уже потянулся к стандартному перенаправлению, когда пришло второе письмо:

«Только не пишите туда, пожалуйста. Они опять отправят меня к тому же наставнику».

Это меняло мало что с юридической точки зрения. Но человек, писавший письмо, очевидно знал, как работает служба, и всё-таки предпочёл рискнуть, обратившись напрямую.

Алексей позвонил Лидии Сергеевне. Она выслушала молча и сказала:

— Если мальчик не хочет говорить с наставником, вы не заставляйте. Я могу предложить ему нейтральную встречу. Без записи беседы. Он сам решит, приходить или нет.

— Я хочу понять, что он имеет в виду под словом «ушёл».

— Тогда спросите его. Только не начинайте с отчёта. Когда приходишь к человеку с его же объяснением, он сразу начинает оправдываться.

Встречу назначили в помещении бывшего музыкального клуба. Лидия Сергеевна предупредила, что Женя сможет показать только те сведения, которые захочет, и что никакая переписка не попадёт в служебные материалы без отдельного разрешения. Алексей согласился. По дороге поймал себя на том, что мысленно составляет список вопросов, и спрятал устройство с заметками в сумку.

Клуб находился под железнодорожной насыпью. Электрички здесь почти не шумели: широкая тихая платформа принимала новые составы, а старые пути использовали подростки, которым нравилось возиться с механизмами. В окнах бывшего депо горел тёплый свет. Рядом с входом висела бумажная афиша вечернего концерта, исписанная поправками разными почерками. Одно выступление перечеркнули; поверх названия кто-то вывел «вместо нас никто».

Женя Мельник оказался высоким, сутулым парнем с длинными пальцами, покрытыми мелкими царапинами. Ему было шестнадцать. Он носил мягкую куртку с оторванным карманом и держал под мышкой плоскую коробку, из которой торчали провода.

— Это вы Воронов? — спросил он.

— Я. А вы Женя?

— Ага. Только не на «вы». А то я сейчас уйду.

— Хорошо.

Женя прошёл вперёд, сел за длинный стол у окна и положил коробку так, чтобы она лежала между ним и гостем. Из неё выпал железный винтик. Он не стал его поднимать.

— Мне сказали, вы архитектор.

— Да.

— Как будто что-то строите?

— Иногда приходится разбирать.

— Мне не смешно.

— Я не шутил.

Женя посмотрел на него внимательнее, будто проверяя, не скажет ли взрослый сейчас что-нибудь ещё более подходящее для отчёта.

— Я не хочу жаловаться на курс, — сказал он. — Они мне помогли. И не хочу, чтобы меня послали туда снова разбираться с дружбой. Я просто не понимаю, когда решил уйти.

— Из группы?

— И из группы. И от Артёма. Мы вместе делали свет для спектаклей. Он думает, что я его предал.

— А ты так не думаешь?

— Не знаю. Может, и предал. Только не так, как написано.

На столе стоял стакан с забытыми кем-то карандашами. Женя вынул один и стал катать между пальцами. Потом достал телефон и открыл сообщение, написанное им самим несколько месяцев назад.

«Я больше не хочу постоянно объясняться и чувствовать себя виноватым. Мне нужно время, чтобы понять, какой у нас вообще был договор. Я решил выйти из общего проекта и заняться тем, что мне действительно важно».

Текст был аккуратным, без опечаток. Алексей слышал почти те же обороты в итоговых карточках программы. Но сообщение отправил Женя, и это тоже было видно.

— Ты это написал? — спросил он.

— Ну, отправил. Писал ли — не знаю. Оно там предложило, а я поправил. Одно слово. Может, два. Я тогда очень злился.

— Ты помнишь, с чего начался разговор?

— Артём сказал, что я опять пришёл не вовремя. И что из-за меня сорвали монтаж. Я не пришёл потому, что у меня были занятия. Он знал. А потом делал вид, что первый раз слышит.

— Ты хотел выйти из проекта?

— Иногда. Потом думал, что нет. Откуда я знаю, чего хотел в тот день? Я и сегодня не знаю, что буду делать вечером.

Он засмеялся коротко, сердито, и тут же положил телефон экраном вниз.

— Можно я тебе кое-что покажу? Только не снимай копию.

Алексей убрал руки со стола.

На экране появилось старое сообщение, отправленное Артёму за неделю до разрыва: «Если мы ещё раз всё испор-

тим из-за сроков, я лучше уйду. Но хочу доделать свет. Без меня ты это не соберёшь». Строка внизу была написана совсем другим языком — резче, с опечаткой в слове «додела-ем». Женя провёл по ней пальцем, не открывая переписку дальше.

— Вот. Я же хотел доделать. Видишь?

— Вижу, что ты написал это тогда.

— Значит, не собирался уходить.

— Не обязательно. Мог передумать через неделю.

— И ты туда же.

Женя захлопнул телефон. Алексей понял, что выбрал единственно честный ответ и именно этим испортил разговор. Мальчик пришёл не за честной оговоркой, а за одним словом, способным объяснить ссору. Этого слова у Воронова не было.

— Прости, — сказал он. — Я не пытаюсь сказать, что ты виноват.

— Все говорят, что не пытаются. А потом спрашивают, как было «на самом деле». Если бы я знал, разве пришёл бы сюда?

За дверью кто-то громко поздоровался. Женя вздрогнул и увидел через стекло знакомую фигуру в длинном пальто. Молодой человек с бумажной сумкой стоял на лестнице и не решался войти.

— Это он, — сказал Женя.

— Артём?

— Ага. Я не просил его приходить.

Лидия Сергеевна, дежурившая у входа, поднялась из-за своего стола. Артём что-то показал ей на телефоне. Она покачала головой и указала на дверь в коридор, давая понять: войти можно только с согласия того, к кому пришёл.

— Отправить его домой? — спросил Алексей.

— Не знаю. Он принес детали. Они наши. И их надо сегодня сдать, иначе световую раму кому-нибудь другому отдадут.

— Ты хочешь их забрать?

— Конечно хочу. Я же месяц с ними сидел.

— Тогда возьми. Не обязательно разговаривать о прошлом.

Женя повернул коробку, у которой отломился угол. Под плоской крышкой лежали тонкие прозрачные пластинки и катушки проводов. Алексей узнал старую технику управляемого света — теперь такие системы ставили ради удовольствия работать руками, а не потому, что иначе спектакль останется в темноте. Женя собрал часть устройства сам. На металле остались маленькие метки, сделанные маркером.

— Если он думает, что я его предал, пусть оставит себе свои провода, — сказал Женя.

И тут же добавил:

— Только тогда не хватит на рамку. Он знает.

Алексей промолчал. Женя придвинул коробку к краю стола, но не выпустил её из рук.

— Можешь попросить Лидию Сергеевну передать коробку без разговора, — предложил он.

Женя посмотрел на него почти с досадой.

— Я и сам догадался. Только это будет выглядеть, как будто мне всё равно.

Он встал, сунул телефон в карман и вышел. Алексей остался у стола. Провод из коробки медленно распрямился и соскользнул на пол. В клубе пахло нагретым пластиком и чаем.

Через стекло он видел, как Женя остановился в двух шагах от Артёма. Тот протянул бумажный пакет. Женя взял его одной рукой и что-то сказал. Артём ответил. Они оба стали говорить одновременно, потом замолчали. Наконец Женя опустил на корточки и вытащил из пакета деталь, похожую на узкую стеклянную полоску. Показал на край; Артём наклонился, покачал головой. Разговор о дружбе незаметно превратился в разговор о монтаже.

К концу четверти часа Артём уже сидел рядом с Женей на лестнице, а между ними лежала разобранная рама. Алексей не слышал ни одного их слова. Ему вдруг захотелось узнать, помирились ли они, но он остался на месте.

* * *

Лидия Сергеевна принесла два стакана воды. В третьем рука держала дольку лимона; Алексей не сразу сообразил, что это её привычный способ не перепутать стаканы.

— Ну что? — спросила она.

— Не знаю, — честно ответил он.

— Это не худший ответ, который я слышала здесь от взрослых.

— Он показал две версии своих намерений, и обе, возможно, настоящие.

— Так бывает.

— Мне необходимо понять, что сделала система между ними.

— Вам — необходимо. Ему необходимо сегодня закончить рамку. Не перепутайте.

Она ушла возвращать стаканы. Алексей нашёл в сумке закрытое устройство для служебных записок, но так и не достал. Через минуту вернулся Женя. На куртке у него были новые белые полосы от пыли.

— Он сказал, что не помнит, чтобы мы ругались именно тогда, — сообщил Женя. — По его словам, я ушёл раньше, из-за другой фигни. Мы теперь оба не знаем, кто первый сказал «всё».

— А вы договорились о раме?

— Договорились. До четверга доделаем. А потом не знаю.

Алексей подождал. Мальчик не выглядел счастливым. Но и потерянным, каким был в начале разговора, больше не казался.

— Я могу спросить одну вещь? — сказал Воронов.

— Одну.

— Тот текст про «я решил выйти из проекта». Ты его по-

том ещё где-нибудь видел?

— В итоговой сводке. Потом наставник попросил объяснить, что мне помогло перестать терпеть то, что меня расстраивает. Я сначала думал, чего он хочет. Потом сказал что-то из того текста. Ну, чтобы он понял. Он порадовался.

— А ты?

— Я тоже. От меня отстали. И я правда перестал ходить на занятия, где мы с Артёмом ссорились.

— Получается, это решение тебе пригодилось.

— Наверное. Только зачем они пишут, что я сам всё понял? Я ничего тогда не понял. Я просто хотел, чтобы кто-нибудь сказал, как выйти и не сделать всем хуже.

Женя вынул из кармана сломанный винтик, повертел и бросил его обратно в коробку.

— А ты сможешь узнать, когда впервые появилась эта фраза? Не нашу переписку. Просто — раньше или позже, чем я нажал на справку?

— Попробую выяснить, можно ли проверить последовательность событий без твоих сообщений. Потребуется разрешение и, возможно, участие других специалистов.

— Обязательно других? — спросил Женя с усталой насмешкой.

— Если мы хотим, чтобы результат кому-то можно было показать, да.

Он долго разглядывал длинную узкую полосу света на столе.

— Хорошо. Но мои письма Артёму не надо никому. И маме тоже не надо. Она уже придумала, что я от него страдал. Может, и страдал. Не хочу, чтобы это стало моим диагнозом.

— Не будут, — сказал Алексей. — Я могу записать только то, что ты разрешишь.

— Тогда напиши: «Я не знаю, почему ушёл». Нет, не так. Я знаю несколько причин. Просто не знаю, какая была главной.

Он задумался и добавил:

— Лучше вообще пока ничего не пиши.

— Хорошо.

— Ты не обижаешься?

— Нет.

— Взрослые обычно обижаются, когда уже решили, что я им что-то расскажу, а я не рассказываю.

— Я пришёл послушать.

— Тогда можешь ещё посидеть. Мы скоро включим раму.

* * *

К вечеру они всё-таки собрали половину конструкции. На белой стене клуба появилась зыбкая фигура — очертания дома, отражённые в нескольких слоях прозрачного материала. При малейшем движении рукава рисунок расплывался, будто свет никак не мог решить, какой именно дом изображает. Артём несколько раз поправил угол. Женя велел ему оставить как есть.

— Там неровно, — сказал Артём.

— Ну и пусть.

— Вчера ты хотел, чтобы всё совпадало.

— Вчера хотел. Сегодня нет.

Алексей услышал это с другого конца комнаты и невольно улыбнулся.

Обратно Воронов возвращался уже затемно. На мосту транспорт двигался ровно, с бесшумными интервалами, и лишь у старого поворота трамвайных путей свет одной машины то и дело попадал на облупленную стену. Оттуда уже сняли почти всю схему. Осталось несколько заклёпок и белые прямоугольники, где краска выгорела меньше.

Алексей остановился у парапета. Настя хотела увидеть эту стену прежде, чем её очистят. Он достал телефон, посмотрел на остатки схемы и убрал его, не сделав снимка.

В служебной системе лежал незавершённый запрос о происхождении формулировок. Внести Женин случай было легко: несколько временных отметок могли дать картину гораздо яснее, чем старые отчёты. Однако согласие на использование сведений Женья не дал. Он попросил ничего пока не записывать.

Алексей открыл своё замечание к общей методике и добавил одну строку, не связанную ни с каким ребёнком: «Проверка статуса предложенной формулировки должна проводиться независимо от содержания частной переписки». Этого было мало. Но больше он сейчас не имел права.

Дома не горел свет: Настя была у Веры. На кухонном сто-

ле лежал серый картон, придвинутый к краю. Алексей убрал его подальше от воды, но затем вернул: Настя оставила лист именно здесь.

Он сел ужинать один. Свет на кухне погас по таймеру. Алексей включил его снова, доел остывшую кашу и не стал просить домашнюю систему сохранить краткое резюме дня.

Глава 5. Пакет помощи

В среду Вера заметила мокрые варежки на батарее раньше, чем в расписании появились новые переносы.

В коридоре реабилитационного отделения стояла женщина с мальчиком лет семи. Мальчик держал варежки на вытянутых руках, будто они принадлежали кому-то другому, и не решался положить их на батарею. Женщина несколько раз повторила, что всё в порядке, но от её голоса ему становилось только хуже.

— Можно сюда, — сказала Вера и освободила край скамьи от коробки с бумажными стаканчиками.

Мальчик отступил к матери.

— Тут горячо? — спросил он.

— Сейчас проверю.

Вера коснулась батареи тыльной стороной ладони. Батарея едва грела.

— Тёплая. Можешь оставить одну, а вторую держать. Если не понравится, заберёшь.

Он положил левую варежку. Правую продолжал сжимать в кулаке.

Женщина посмотрела на часы над дверью.

— Нас должны были принять в девять двадцать. Уже сорок пять.

— Я знаю. В расписании поставили двадцать минут, а

нужно сорок. Специалист освободится, я вас позову.

— Мне пришло сообщение, что он рекомендует перенос на следующую неделю. И что я согласилась.

Вера не сразу ответила.

— Вы соглашались?

— Нет. Я нажала, что прочитала. У нас так всегда. Чтобы запись не исчезла.

Мальчик подобрал варежку с батареи, подержал, снова положил. Как будто репетировал действие, которое ещё не было обязательным.

— Покажите сообщение, — сказала Вера.

На маленьком экране было написано: «Я выбираю перенести занятие, чтобы подготовиться к следующему этапу работы». Ниже шла привычная строка: «При необходимости вы можете изменить причину».

— Нам не причина нужна, — сказала женщина. — Нам нужен человек в девять двадцать.

— В девять двадцать уже не получится.

Женщина отвернулась. Вера не стала говорить, что всё понимает. Она посмотрела на очередь и пошла в кабинет администратора.

В кабинете пахло вчерашним кофе. Дежурный специалист Арсен просматривал сообщения, не отрываясь от панели.

— Половину приёмов перенесли, — сказал он прежде, чем она успела что-нибудь спросить. — Утром система увидела, что два наставника взяли больничный. Пересчитала на-

грузку. Должна была предупредить.

— Она предупредила так, будто родители сами попросили перенос.

— Там есть исправление.

— Люди пришли. Исправлять им нечего. У них мокрые дети в коридоре.

Арсен повернулся на стуле.

— Вер, я могу вернуть сегодняшние записи, но тогда завтрашние станут предварительными. У нас нет человека, который подтвердит их вручную. Ты потом сама будешь объяснять, почему всё сорвалось.

— А если не вернёшь?

— Завтра будет спокойно.

Слова «завтра будет спокойно» прозвучали слишком соблазнительно. Вера представила коридор без толпы, расписание без жёлтых предупреждений, мать мальчика, которой придёт аккуратное сообщение о переносе. Потом представила, как та будет объяснять сыну, что целую неделю он готовился не к тому утру.

— Верни сегодняшние, — сказала она. — Но только тем, кто уже здесь. Остальным позвоним.

— Чем? — Арсен поднял коммуникатор. — Нам голосовую очередь уменьшили вдвое.

— Моим временем. У меня сегодня нет приёма после четырёх.

— Теперь есть.

Она не улыбнулась. Он тоже.

Из коридора слышался шум. Мальчик расплакался не громко, скорее с досадой. Вера вышла к нему и сказала, что занятие состоится, только позже. Мать поблагодарила; мальчик молчал. Он смотрел, как над дверью меняется время, словно хотел поймать тот миг, когда написанное снова окажется правдой.

Через два часа мальчик снова стоял в коридоре. До окна он дошёл не сразу: один раз присел поправить носок, другой — попросил мать подождать. Возвращаясь, держал мокрую варежку уже не перед собой, а под мышкой.

Вера внесла результат занятия. Программа предложила привычную запись от его имени: «Я смог преодолеть опасения благодаря собственному решению не останавливаться». Она удалила её и написала: «Прошёл от двери до окна, рядом находилась мать».

— На середине он дважды останавливался, — заметила женщина, читая запись.

Вера дописала. За дверью уже ждали. Арсен заглянул, постучал пальцем по часам. Женщина спросила, надо ли отмечать перенос, раз их всё-таки приняли сегодня.

— Нет, — сказала Вера. — Оставим, как было. Сегодня вы пришли.

К вечеру она не успела перезвонить трём семьям. Одна уже уехала в другой район, другая согласилась подождать, третья не отвечала. Арсен положил ей на стол список зав-

трашних отмен. Лист был испещрён карандашными вопросительными знаками: он так обозначал тех, кому нужно звонить лично.

* * *

На следующее утро Воронов пришёл в службу раньше остальных. Он не собирался сегодня проверять школьный режим Насти. С этой мыслью он даже открыл первое рабочее окно — общий отчёт о переносах занятий, не имеющий отношения к семье.

Среди вчерашних уведомлений лежало новое согласование «Пакет помощи: продление». Такие пакеты объединяли учебные напоминания, запись к наставникам и некоторые рекомендации для родителей. Отказываться от всего сразу никто не требовал. Но отказаться от одного раздела без нового обсуждения остальных было трудно: система считала, что человек хочет пересмотреть условия целиком.

При обсуждении первого общего пакета коллега положила перед Алексеем папку отказов. Из неё выпал лист, исписанный одной и той же подписью в четырёх местах.

— Это не четыре согласия, — сказала она. — Это мать опоздала на автобус и подписала всё сразу.

Тогда Воронов предложил один лист вместо четырёх. Предложение приняли. Теперь в новой версии появилась функция, о которой на том заседании даже не говорили.

Вчера вечером Вера переслала ему уведомление о продлении Настиного сопровождения: «У тебя такой же доку-

мент?» Алексей ответил, что посмотрит утром. Сообщение всё ещё висело над служебным экраном.

Он открыл семейную панель. Напротив имени Насти стояло: «Пакет продлён». Ниже перечислялись учебные материалы, связь со школьным наставником и вечерние подсказки. Последний пункт выделялся едва заметной галочкой. Алексей не помнил, чтобы они с Верой соглашались именно на него.

Он нажал «История изменений». Появилось объяснение: «Продление основано на действующем согласии законных представителей. Историю изменений можно запросить отдельно».

Для обычного родителя этот запрос открывал бы список действий взрослых. Но его интересовало другое: был ли модуль вечерних подсказок частью старого пакета или появился после обновления. Семейная панель называла функцию «сопровождением». В служебных сводках та же функция имела техническое имя; это имя он знал, но не мог доказать, что речь идёт об одном и том же.

Алексей закрыл семейную панель и открыл рабочую. Здесь можно было проверить соответствие технических версий без личного дела ребёнка. В форме требовалось указать основание проверки и исходный сигнал. Он выбрал «контроль совместимости». Из списка сигналов — «регион», «тип обращения», «индивидуальная запись» — нажал последний.

Перед ним появилось предупреждение: «Связь семейного события с производственной выборкой требует независимого допуска. Продолжить запрос?»

Он задержал палец над экраном. Можно было отправить формальную заявку. Ответ пришёл бы не раньше следующей недели, а история обновлений к тому времени могла измениться. Он хотел получить только имя модуля, без содержимого карточки. Даже подумал, что защитный фильтр сам отсечёт всё лишнее.

В поле основания он написал: «Проверка соответствия технического признака новой версии».

Потом нажал «Продолжить».

Экран потемнел на долю секунды. Появилась надпись: «Сопоставление заблокировано. Создано событие контроля доступа».

Никаких данных система не показала.

Алексей долго смотрел на надпись, будто та должна была измениться. Затем открыл журнал собственных действий. Там значилось: «Попытка связывания семейного идентификатора с профессиональной выборкой. Инициатор — А. Воронов. Доступ не предоставлен».

Он закрыл журнал и вновь открыл его. Последняя строка осталась на месте.

* * *

Вера получила уведомление в четверг около полудня. Она стояла у стойки отделения с коробкой одноразовых бахил:

поставщик снова привёз не те размеры, и часть посетителей проходила в мокрой обуви. Ей пришлось положить коробку на подоконник, чтобы прочитать сообщение.

Сообщение пришло от службы защиты данных: «В отношении профиля несовершеннолетней зафиксирована отклонённая попытка межконтурного сопоставления. Сведения не раскрыты. Уполномоченный представитель может получить сведения об источнике запроса».

Она прочитала дважды. Потом позвонила по указанному номеру. Ей ответили через минуту, сверили полномочия, попросили не открывать семейную панель на чужом устройстве и сообщили, что запрос отправлен из профессионального контура одного из представителей ребёнка.

— То есть это Алексей? — спросила Вера.

Сотрудница замолчала. Наверное, сверяла, что имеет право сказать.

— Я могу подтвердить имя инициатора в защищённом уведомлении. Отправить?

— Да.

— О содержании запроса информации нет: защита работала до выполнения.

— Спасибо. И ещё... Это может повлиять на Настины занятия?

— Нет. Семейные услуги не блокировались.

Вера убрала устройство. На подоконнике лежала коробка с бахилами; от мокрых подошв вдоль коридора тянулись

тёмные полосы. Вчера она обещала Арсену разобрать завтрашные переносы. Теперь предстояло ещё решить, что сказать Алексею.

Она набрала его номер, но сбросила вызов прежде, чем пошёл первый гудок. Потом подняла коробку и вернулась к стойке.

* * *

Ключев нашёл Воронова в лаборатории ручной проверки. Дмитрий вошёл с бумажным пакетом, достал две лепёшки и одну положил на край рабочего стола.

— Держи. Пока не остыло.

— Не хочу.

— Тогда я съем обе. Ты почему такой?

Алексей повернул экран, чтобы Дмитрий видел строку журнала.

— Я сделал запрос через семейный профиль.

— Зачем?

— Хотел сопоставить название школьного режима с рабочей версией.

— Чьё название?

Воронов не ответил.

Ключев положил лепёшку обратно в пакет.

— Ты соображаешь, что сделал?

— Запрос не исполнился.

— Я это вижу.

— Ничего не открылось.

— Ты же сам добивался, чтобы такие запросы записывались до открытия. Помнишь?

— Были ложные срабатывания, — сказал Алексей.

— Ты тогда предложил их сохранять. Говорил, что оставленный запрос всё равно остаётся запросом.

На стене ещё висела старая схема разделения контуров. Под ней стояла подпись Алексея — одна из пяти. Ему захотелось снять схему, хотя никто на неё не смотрел.

— Это будет разбирать контроль доступа, — сказал Ключев. — Мне уже прислали уведомление.

— Я сам сообщу.

— Сообщишь. Ты ведь не будешь просить меня сделать вид, что я не видел?

— Нет.

Дмитрий подвинул к нему лепёшку.

— Съешь хотя бы половину. Они до обеда тебя не отпустят.

Алексей не притронулся к еде.

Через четверть часа пришло приглашение на беседу с инспектором. Он встал раньше назначенного времени и ушёл. На столе осталась лепёшка, сложенная в бумажной салфетке.

Инспектор, женщина с седой короткой стрижкой, сидела напротив пустой стены. На ней висели часы без цифр. Стрелки двигались плавно и бесшумно.

— Воронов Алексей Сергеевич? — спросила она, хотя на экране уже было его имя.

— Да.

— Назначение запроса?

— Проверить соответствие семейного уведомления техническому модулю в агрегированной выборке.

— Вам нужен был личный ключ ребёнка?

— Я предполагал, что система преобразует его в технический признак.

— Это не ответ.

Алексей посмотрел на свои руки.

— Да. Без исходного ключа я не мог проверить соответствие.

— Вы понимали, что независимого допуска нет?

— Да.

— Простите, я записываю дословно. «Да» — это что: знали о требовании или видели предупреждение?

— И то и другое.

Инспектор кивнула и только тогда дописала ответ.

Инспектор развернула экран, затем отодвинула от него чашку с холодным чаем: та закрывала нижнюю строку. На экране шла последовательность: выбор источника, предупреждение, подтверждение. Алексей увидел собственный текст в поле основания — будто проверял несовпадение версий после ремонта.

— Вы не просматривали закрытые данные, — сказала она. — Фильтр сработал. Это учитывается. Но попытка связать контуры была преднамеренной, и вы указали служебную

цель для семейного события. Согласны с описанием?

Алексей хотел возразить против слова «преднамеренной». Но кнопку после предупреждения нажал сам.

— Согласен.

— Тогда до окончания проверки вы не сможете единолично вести аудит программы «Пакет помощи» и формировать по ней итоговое заключение. Другие ваши полномочия остаются. Есть возможность возражения и отдельного обращения к независимому аудитору.

— Кто получит мои материалы?

— Они останутся в служебном контуре. Сотрудника назначат отдельно.

— Это остановит проверку по итоговым формулировкам?

— Не обязательно. Если основание есть, независимая группа его рассмотрит.

Инспектор протянула ему терминал для подтверждения ознакомления. Алексей спросил, может ли вместо него поставить бумажную подпись. Женщина молча достала лист и ручку.

Он подписал.

* * *

Вечером Вера ждала его в небольшом дворе между двумя домами. Настя осталась наверху, сказала, что не хочет слушать разговор взрослых, и попросила, чтобы ей не пересказывали его потом «для пользы».

Вера держала папку с расписанием. Папка была старая, с

перекошенным углом. У Алексея мелькнуло желание выпрямить его, но руки он оставил в карманах.

— Мне позвонили из защиты данных, — сказала она.

— Знаю.

— Я не спрашиваю, почему они позвонили. Мне сказали, что данные не открывались. Я спрашиваю, зачем ты пытался.

— У них обновился учебный пакет. Мы соглашались на старые функции. Я хотел узнать, не добавили ли туда новые.

— Ты мог спросить меня.

— Я и собирался.

— А потом решил сначала посмотреть.

Он выдержал паузу.

— Да.

Вера положила папку на скамью. Со двора слышалось, как соседский ребёнок учится ездить на маленьком велосипеде. Колёса стучали по стыкам плитки, взрослый рядом каждый раз кричал «держу», хотя уже давно отпустил седло.

— Сегодня женщина пришла с сыном на занятие, — сказала Вера. — Её записали на следующую неделю и написали, что она сама выбрала перенос. Мы вернули приём. Завтра у меня будет меньше времени на других. Неправильная карточка — это плохо. Но если бы я отключила всё сопровождение, мальчик сегодня не пришёл бы вовсе.

— Я не предлагаю отключать.

— А ты знаешь, чего предлагаешь? У меня от тебя то «не подтверждено», то «нужна проверка». И всегда правильно.

Только человек в коридоре не может ждать, пока мы найдём правильный глагол.

— Я сегодня потерял право вести проверку, — сказал Алексей.

Она подняла глаза.

— Совсем?

— Только по этой программе. До решения инспектора.

— Значит, ты уже заплатил.

— Похоже.

— Нет, Лёша. Ты заплатил работой. А Настя заплатит тем, что ещё раз подумает, можно ли тебе доверять.

Он хотел ответить, что Настя ничего пока не знает, но остановился.

Вера поправила папку на скамье.

— Я не стану рассказывать ей про служебный запрос, если это можно объяснить спокойно вместе. Но и прятать не буду. Скажешь сам, когда она согласится тебя слушать.

— Она и сейчас не хочет?

— Она не хочет, чтобы мы решали за неё, в каком порядке ей узнавать плохие новости. И ещё она голодная. В холодильнике есть суп, можешь подняться, если не начнёшь с объяснений.

Алексей кивнул.

— А продление пакета? — спросил он.

— Завтра я пойду в школу. Попрошу показывать нам отдельно каждую новую функцию. Если откажут, будем разби-

ратся. Но Настино сопровождение из-за нашего спора я не отменю.

— Правильно.

— Не надо мне говорить «правильно». Приходи к десяти, если хочешь помочь.

Они вошли в дом не вместе: Вера задержалась во дворе, чтобы позвонить завтрашнему координатору. Алексей поднялся по лестнице пешком. У Настиной двери лежал лист бумаги. На нём были нарисованы три остановки и короткая неровная линия, которая обрывалась у самого края.

Он не стал переворачивать лист и искать подпись. Постучал.

— Это я. Суп ещё остался?

Из-за двери ответили не сразу.

— В тарелке. Только не грей слишком сильно.

На кухне он нашёл тарелку, накрытую крышкой. Рядом лежала записка без обращения: «И хлеб». Алексей разогрел суп, вынул хлеб и сел за стол. Из комнаты Насти доносился скрип карандаша. Он хотел спросить, что она рисует, но ничего не спросил.

Глава 6. Мастерская

К полудню пятницы Алексей дважды проехал нужную остановку. В первый раз он не успел открыть дверь, во второй увидел за стеклом старую вывеску и подумал, что мастерскую давно перенесли. Только на обратном пути заметил у подъезда человека с коробкой сломанных настольных часов.

Утром Вера осталась в школе разбирать новые условия Настиного сопровождения. Написала коротко: «Подписи от нас пока не просят. Настя будет смотреть дома». Алексей не стал отвечать вопросом, что именно ей покажут.

Адрес он получил от Аси Лебедевой — женщины, проходившей занятия у Елены Марковой. В письме было всего несколько строк, но одну Алексей помнил дословно: «Только не приходите с удостоверением. От него у них руки сразу опускаются». Удостоверение осталось в сумке, рядом со служебным блокнотом, который Алексей сегодня не имел права открывать для проверки «Пакета помощи».

* * *

Мастерская занимала первый этаж дома, который никак не приспособили к новой городской планировке. В узком подъезде ещё сохранялись почтовые ящики, хотя по назначению пользовались только двумя. На дверце третьего кто-то старательно исправил фамилию, а затем снова зачеркнул.

Откуда-то сверху тянуло жареным луком.

Нужная дверь была приоткрыта. На стекле, поверх старой надписи «Ателье», закрепили бумажку: «Не входите без стука. Если молчат — стучите ещё раз».

Алексей постучал. Изнутри ответили:

— Если к нам, то заходите. Если за старым пылесосом, в соседнюю дверь.

В небольшой комнате стояли четыре разных стула, низкий диван с продавленной серединой и длинный рабочий стол. На столе сушилась после склейки деревянная рамка. Под толком проходила труба отопления, к ней верёвкой привязали носок — один, детский, зелёный. Рядом висела табличка от сломанного аппарата: «Не включать».

У стены женщина в шерстяном берете пыталась развернуть лист так, чтобы он не свернулся обратно. На диване сидел пожилой мужчина с пластмассовым контейнером, из которого доносилось дребезжание. Свободным оставался стул у окна.

— Вы записаны? — спросила женщина с листом.

— Нет. Здесь принимают без записи.

— Принимают. Это не значит, что успевают.

Она наконец прижала бумагу тяжёлым стаканом. Алексей увидел на листе аккуратную таблицу с одной заполненной строкой. Женщина закрыла её ладонью.

— Простите, — сказал он и сел на свободный стул.

Минут через десять из соседней комнаты вышла женщи-

на лет сорока пяти с коротко остриженными волосами. На рукаве у неё белело пятно от шпаклёвки. Она посмотрела на каждого, будто вспоминала не имена, а то, где они остановились в прошлый раз.

— Игорь Павлович, у вас крышка готова. Только не открывайте контейнер над коленями, пружина вылетит. Я вам в пакет положила старую. Вера Николаевна, вы по письму? Нет, погодите. Вы — по бумаге. Сейчас.

Пожилой мужчина приподнялся, но остался сидеть.

— Сначала ей, — сказал он. — Я уже три раза приходил.

— Как скажете. Но по крышке всё равно распишитесь, а то потом будете говорить, что я вам пылесос починила, а не коробку.

Женщина с листом засмеялась. Алексей впервые заметил, что она почти не разгибает правые пальцы.

— А вы? — спросила хозяйка мастерской.

— Воронов. Алексей.

Она перестала вытирать руки полотенцем.

— Архитектор?

— Да.

— Насколько я знаю, приём архитекторов здесь не предусмотрен.

— Я пришёл сам.

— Все сами приходят. Иначе дверь не открывается.

Она сложила полотенце, положила на край стола и повернулась к остальным.

— Разговор на десять минут, — сказала она в сторону стола. — Вера Николаевна, вы пока дописывайте.

— Я и не прекращала, — ответила женщина в берете.

Маркова посмотрела на Алексея:

— Сумку возьмите. Здесь всё задевают.

* * *

В соседней комнате оказалось ещё теснее. Стеллаж с картонными коробками закрывал половину окна; между коробками торчали папки, но на корешках не было фамилий. Вместо названий — даты и цветные бумажные полоски. С потолка свисал шнур с массивным выключателем, старым, нажимным, который щёлкал слишком громко.

На рабочем столе лежали два листа. Один был гладкий и белый, другой вырвали из блокнота. Алексей остановился у порога.

— У вас здесь проходят консультации?

— Иногда, — сказала Маркова. — Иногда чинят вещи. Иногда люди приходят сказать, что больше не будут приходить. Это тоже занимает время.

— Вы ведёте записи?

— А вы давно перестали спрашивать первым делом о записях?

Он не ответил.

Маркова достала из шкафа ещё один стул, поставила его напротив стола и села сама. Алексей заметил, что одна ножка стула была короче: под неё подложили согнутую пополам

рекламную открытку. Когда он сел, стул перестал качаться.

— Мне написала Ася Лебедева, — сказал он.

— Я не знаю, что она вам написала. И если она хочет, чтобы я знала, скажет сама.

— Она предложила обратиться к вам.

— Вот вы и обратились. Чего хотите?

Алексей машинально раскрыл сумку. В ней лежал служебный блокнот и тонкая тетрадь для личных записей. Он вынул вторую.

— Я видел случаи, когда итоговое объяснение появлялось раньше, чем человек что-либо подтверждал. Меня интересует, как люди воспринимают эти объяснения после того, как несколько раз их прочитают.

— Они по-разному воспринимают слова, которые им предлагают прочитать. Вы это хотели узнать?

— Мне нужен способ отличать их собственные объяснения от предложенных.

— Для чего?

— Чтобы показатель согласия не строился на том, что человеку за него уже написали.

Маркова потерла пальцем пятно шпаклёвки на рукаве.

— А если ему своих слов не хватает? И он говорит: «Это про меня». Вы и это отнимете?

— Нет. Но я не назову авторством то, чего не было.

— Найдёте другое слово. Это вы умеете.

За дверью что-то тяжело звякнуло. Маркова прислуша-

лась. Из соседней комнаты донёлся голос мужчины, который ругал пружину.

— Мы сейчас не о названиях, — сказал Алексей.

— Хорошо. Давайте без названий.

Она придвинула ему два листка. На обоих было напечатано по одному абзацу, одинаковыми крупными буквами. Алексею показалось, что принтер немного сдвинул строчки на втором листе, и от этого текст выглядит более неровным, чем первый.

На первом стояло:

«Во вторник я сам отказался от дополнительных встреч. Мне стало легче, когда я понял, что могу справляться со страхом постепенно, без постоянной поддержки. Я благодарен тем, кто помогал мне раньше».

На втором:

«Во вторник не вышла. До двери дошла, в подъезде мокро, скользит подошва. Звонили ещё раз, я сказала: завтра. Вечером стирала куртку и не могла уснуть».

— Что это? — спросил Алексей.

— Два описания одного поступка. Не одного человека, разумеется. Что вы можете сказать об авторах?

— По двум абзацам — немного.

— И всё же.

Он прочёл второй снова. В нём не было привычной завершенности, не было слов об обретенной самостоятельности, которые так любили итоговые карточки. Первый, напротив,

напоминал типовой исход удачного курса. В нём было всё, чего не было во втором: ясная причина, полученная польза, благодарность и мягкое завершение.

— Первый сформирован системой, — сказал Алексей. — Второй — прямое свидетельство.

— Уверены?

— По тексту невозможно быть уверенным. Но если это упражнение, я выбираю так.

— Тогда выбрали неправильно.

Маркова не выглядела довольной. Она перевернула листы чистой стороной вверх и спрятала их в папку.

— В первом случае человек написал сам. Пять раз переписывал, прежде чем оставил именно эти слова. Во втором женщина дала три отметки в дневнике, а программа превратила их в связный рассказ. Разницу между рассказом и её жизнью вам без неё не проверить.

— Значит, вы показываете согласованные примеры?

— Мне разрешили использовать эти абзацы для разговоров без указания имён. Я могу сказать, откуда они взялись. Не могу отдать вам исходные записи.

— Тогда я никак не проверю, что вы не поменяли их местами.

— Не проверите.

Это прозвучало без вызова. Маркова открыла коробку с бумажными полосками, нашла красную и положила в пустой лоток.

— Вам нужен документ, — сказала она. — Не эти люди.
— Я пришёл поговорить с людьми, — сказал Алексей.
— Они в соседней комнате. Можете поговорить. Если захотят.

Она встала. Он поднялся следом.

* * *

Женщина с листом всё ещё сидела у стола. Её звали Вера Николаевна; это Алексей узнал, когда Маркова подошла и спросила, не заболела ли у неё рука. Та ответила, что рука «пока не решила», и быстро отодвинула лист. На нём теперь было написано гораздо больше. Сверху крупными буквами: «Я не просила закрывать дело».

— Можно я здесь посижу? — спросил Алексей.

— Сидите, — сказала Вера Николаевна, — только не читайте через плечо. Я от этого забываю половину.

Он пересел к окну. Пожилой мужчина тихо перебирал детали в контейнере и всякий раз вздрагивал, когда две из них сталкивались. Алексей хотел предложить помощь, но не знал, какие детали можно трогать.

В комнату вошёл мужчина в куртке с вытертыми локтями. Он сразу направился к Марковой:

— Вы мне обещали подтверждение. Я приехал в центр, а они говорят: такой организации у них нет. Я должен доказать, что занимался здесь, иначе меня снова направят на те же встречи.

Маркова присела на край рабочего стола.

— Я могу написать, в какие дни вы приходили. И что мы делали. Но ставить печать центра не стану, её у меня нет.

— Они без печати не примут.

— Тогда, возможно, не примут. Я говорила вам до первой встречи.

— Вы говорили, что люди имеют право выбирать помощь. Я выбрал. А теперь получается, будто никуда не ходил.

— Сергей, я не обещала, что у них будут считать мои занятия лечением.

— Я понял. А деньги за дорогу кто вернёт?

Маркова посмотрела на старый кошелёк на полке. Потянулась к нему, но мужчина отвернулся.

— Не надо. Не о деньгах речь.

Он вышел, даже не забрав кепку, которую положил у двери. Алексей поднял кепку, но Сергей уже спускался по лестнице. Он положил её на скамью у двери.

В мастерской никто не сказал, что он неправ.

Маркова вернулась к женщине с листом. Та пыталась поставить подпись, но правой рукой не могла удержать ручку. Елена подала ей толстый карандаш. Алексей наблюдал, как женщина медленно выводит первые буквы имени, а Маркова в это время смотрит не на лист, а в окно.

— Так быстрее? — спросила она.

— Нет, — сказала Вера Николаевна. — Но моё.

Когда подпись закончилась, Маркова забрала лист только после того, как женщина сама его протянула. Елена прочи-

тала написанное, вернула обратно и указала на одну строку:

— Здесь вы написали «отказалась». А раньше говорили, что занятия отменили по расписанию.

— Потому что я не пришла. Они позвонили, когда я уже ехала домой. Сказали, что ещё есть время вернуться. Я сказала нет.

— Тогда пишите как помните. Не потому, что я спрашиваю.

— Я помню, что они позвонили. Было ли время вернуться — не знаю.

Маркова отдала ей карандаш и вышла за водой. Женщина долго сидела над строкой, потом аккуратно зачеркнула слово «отказалась». Ничего вместо него не написала.

Алексей отвернулся к окну. На улице рабочий устанавливал пандус у входа в соседний магазин. Пандус никак не попадал в старую каменную ступеньку. Рабочий несколько раз приподнимал один край, а помощник подсовывал под него картон.

* * *

Через полчаса Маркова вернулась с железным чайником, у которого носик был немного помят. В комнате стало тесно от ожидания. Пожилой мужчина уже собрал свой контейнер, но не уходил: никто не помогал ему застегнуть молнию на сумке. Алексей встал, предложил подержать её край. Мужчина поблагодарил и справился сам.

— Вы ещё здесь? — спросила Маркова.

— Хотел уточнить одну вещь.

— Спросите.

— Существуют ли у вас записи о времени появления автоматических итогов? Не сами истории. Только временные отметки до и после того, как человек видел предложенный текст.

— Есть записи о том, когда люди приходили ко мне. Некоторые приносили свои экраны. Некоторые не приносили.

— Можно проверить несколько случаев без личных сведений. Мне не нужны имена.

— Если человек дал мне записи именно для того, чтобы никто не использовал их в деле, отсутствие имени ничего не меняет.

— Но если разрешит независимую проверку...

— Тогда проверять будет независимый человек. Вы уже не он, насколько понимаю.

Алексей посмотрел на неё. Они не говорили о вчерашнем решении инспектора. Видимо, информация об ограничении профессиональных полномочий уже была доступна в реестре.

— Я не собираюсь обходить распоряжение, — сказал он.

— А что собираетесь? Вернуться в другое воскресенье? Попросить меня самой собрать для вас подходящий набор?

— Я предлагаю законную процедуру, которая защитит и ваших посетителей.

Маркова медленно поставила чайник. Из носика упала

капля на дощатую столешницу.

— Вашу процедуру здесь уже проходили. Сначала у нас просили только даты. Потом нужно было показать, что встречи действительно состоялись. Потом требовали объяснить, почему человек не вернулся на официальный курс. А потом ему присылали сводку: «Я выбрал альтернативное сопровождение». Как будто он выбирал название услуги, а не место, где его выслушают.

— Вы можете отказать аудитору в документах, но это не даст вашему свидетельству доказательной силы.

— Вы предлагаете мне доказать вашу правоту?

— Я предлагаю проверку без имён.

— А кто решил, что люди здесь на неё согласны?

Она оглянулась. Вера Николаевна за столом перестала писать и сложила руки на листе.

— Алексей Сергеевич, выйдите, пожалуйста, — сказала Маркова.

Он не сразу двинулся.

— Я ведь ничего не попросил незаконного.

— Вы просите меня решить за них. Это я уже делала.

Больше не хочу.

— Если я найду процедуру обращения непосредственно к каждому из них?

— Вы не получите от меня список, к кому обращаться.

— Я понимаю.

— Тогда не задерживайте дверь. У нас человек на лестни-

це ждёт, пока освободится место.

Алексей взял сумку и пошёл в прихожую. Там на низкой скамье сидел тот самый мужчина в вытертой куртке, вернувшийся за кепкой. Он увидел Воронова, протянул руку к лежащему рядом головному убору, но вместо кепки случайно взял чужую перчатку. Некоторое время смотрел на неё, потом положил обратно.

— Вы от них? — спросил он.

— Нет.

— Хорошо.

Алексей вышел. Дверь за ним закрылась не сразу: внутри пришлось придержать человека с тростью. Он стоял под бумажкой «Если молчат — стучите ещё раз» и слышал, как Маркова из комнаты кричит кому-то: «Только кружку не ставьте туда, там клей».

* * *

На улице стоял сухой холод, обещавший первый осенний снег. У подъезда Алексей проверил, на месте ли служебный блокнот, и обнаружил, что так ни разу его не открыл. В личной тетради была всего одна строчка, сделанная по дороге: «Не путать авторство с согласием».

Он зачеркнул её. Попытался вспомнить, как говорил Сергей, и не нашёл ни одного слова, которое можно было бы записать за него.

Около магазина рабочий продолжал возиться с пандусом. Картон под металлической кромкой уже размок от талой

воды, хотя снег ещё не выпал. Помощник принёс деревянную рейку. Рабочий примерил её, встряхнул головой и снова снял.

Алексей остановился посмотреть. Рабочий держал уroveň, помощник искал винт, из магазина выносили тяжёлый ящик, мешавший подойти к ступеньке.

Телефон завибрировал. Вера написала: «В школе согласились показать новый пункт отдельно. Но на старом бланке. Настя вечером решит сама, хочет ли читать».

Он набрал: «Молодец». Стер. Написал: «Спасибо». Стер и это. В конце отправил: «Понял. Буду дома к шести».

Уже уходя, увидел Сергея — человека, которому Маркова не смогла дать нужную печать. Тот стоял у остановки и пытался сложить большой бумажный лист так, чтобы не помять чужую подпись. Бумага расправлялась всякий раз, когда он убирал руку. Алексей подошёл, придержал угол, и они сложили лист пополам.

— Спасибо, — сказал Сергей.

Он спрятал лист во внутренний карман, взглянул на Воронова и вдруг спросил:

— А вы всё-таки от них?

— Нет, — сказал Алексей.

Сергей не кивнул. Только плотнее прижал бумагу ладонью. Когда подошёл транспорт, Сергей вошёл первым и остался возле двери. Воронов сел у окна. На следующей остановке дверь дважды пыталась закрыться, но заедала; води-

тель вышел из кабины и поправил тонкую резиновую полосу в пазу. Никто не возражал. Сергей держал руку на внутреннем кармане, где лежал сложенный лист.

Глава 7. Запасная версия

В понедельник у Алексея не приняли старый пропуск в архив.

Пропуск был действующий, с его именем и всеми положенными отметками. Но турникет не открывался. На маленьком экране возникало: «Уточните цель обращения». Алексей дважды нажал «Работа с собственными документами», и оба раза устройство предлагало обратиться к дежурному.

Дежурный сидел за стеклом и чистил мандарин над пластмассовой тарелкой. Кожура свисала длинной лентой. Когда Алексей постучал, тот поднял палец, показывая, что ему осталось немного.

— На чём застряло? — спросил он наконец.

— На цели обращения.

— Название дела?

— Моё собственное. Архив редакций технического стандарта. Изданные версии, подписи и приложения. Не действующие журналы.

Дежурный посмотрел на экран.

— Аудит вам закрыли. Вы бы сразу сказали.

— Аудит — да. Архив моих решений не закрывали.

— У меня в окошке написано «проверка ограничена». Не сказано, насколько. Я в эту разницу не полезу.

Он показал на второй терминал за спиной Алексея. Тот стоял у стены, слегка наклонившись, потому что одна ножка у него потеряла резиновую накладку.

— Делайте запрос в читальный зал. Там не пустят к данным, зато старые бумаги откроют. Если вам откажут, хотя бы будет написано почему.

Алексей отошёл к терминалу. Пока он заполнял обращение, из приёмной вышла женщина с пакетами: в одном лежали туфли, в другом — починенный чайник. Ремень сумки съехал с её плеча. Дежурный вышел из-за стекла, придержал дверь и взял у неё чайник. На экране Алексея появилось разрешение: «Доступ к утверждённым материалам, автором или согласующим которых является заявитель. Исходные данные испытаний исключены».

В условиях повторялось ограничение, которое он в четверг признал справедливым: никакого доступа к исходным данным.

* * *

Читальный зал располагался в старом корпусе. Прежде здесь обучали людей, не прошедших отбор в архитекторы; теперь кабинеты переделали под комнаты для хранения версий. В коридоре ещё висела большая доска с расчерченными квадратами. Кто-то написал на ней мелом: «Не переносить встречу. Двадцать второй уже всё помнит». Сколько лет было этой надписи, Алексей не знал.

За длинным столом сидела сотрудница архива Нина Руд-

нева. Он помнил её по комиссиям шестилетней давности: тогда она приносила на заседания папки, когда остальные приходили с пустыми руками. Сейчас перед ней стояла открытая коробка с жестяными бирками. Руднева каждую прикладывала к свету и делила на две кучки.

— Воронов, — сказала она, не поднимая головы. — С той стороны не садись, там ноги стола шатаются.

— Мне нужны утверждённые версии стандарта по итоговым объяснениям. Начиная с первой.

— С какой первой?

— С той, где появились выводы от первого лица.

— Это третья. До неё были только отметки о событии.

Алексей сел у окна. Сотрудница наконец отложила бирку и посмотрела на него поверх очков.

— Ты сюда с проверкой пришёл?

— Нет. У меня забрали право вести её одному.

— Слышала. Своё читать можешь. Чужого давать не буду.

— Так и просил.

Она отправила ему указатель. В каталоге было восемь версий, четыре приложения, пятнадцать согласований и длинная полоса замечаний, внесённых после утверждения. Алексей открыл самую раннюю редакцию.

Там ещё не было ни «инициативы», ни «завершённого опыта», ни удачных исходов, которыми позднее привыкли заполнять отчёты. Система предлагала человеку помощь в изложении события. Рядом с пустым полем стояли два слова:

«Мои слова». Чтобы получить подсказку, надо было нажать отдельную кнопку. Без этого ничего не происходило.

Кнопка была неудобная, расположенная почти у края экрана. Алексей помнил, как её защищал. Тогда он говорил, что ребёнок имеет право оставить поле пустым, а взрослый — не домысливать за него. Один из инженеров заметил, что взрослому ничто не мешает домыслить и без всякого поля. Алексей ответил, что по крайней мере система не должна становиться его соавтором.

Вторая редакция исправляла неудобство. Подсказка открывалась рядом с полем, но лишь после нажатия. Под ней мелко указывали источник: «Составлено программой из отметок этого занятия». При сохранении рядом оставались два разных признака: человек одобрил предложенную фразу и человек сам сообщил причину. Эти признаки не объединялись.

Он выгрузил оба документа. Можно было распечатать их, но не изменить ни одного знака: после публикации архив хранил только новые приложения и ссылки на прежние ошибки.

— Ты какой период ищешь? — спросила Руднева.

— Когда поменяли порядок открытия подсказки.

— Тогда надо не по датам. Ищи по замечаниям об удобстве. У нас их разнесли в другой список. Два года назад каталог поправили, а ссылки оставили старые.

— Почему не объединили?

— Я попросила не объединять. Иначе не найдёшь, что человек искал: документ или жалобу на него.

Руднева пододвинула к нему бумажный листок с номером списка. Алексей не успел поблагодарить: она снова занялась бирками, одну за другой откладывая влево.

* * *

В замечаниях об удобстве повторялось знакомое: слишком много подтверждений, сложные слова, необходимость возвращаться к одному вопросу. На некоторых карточках стояло по четыре подписи. Одна запись была короче остальных: «После второго занятия семья не возвращается к бумажному дневнику. Ожидаемая запись обрывается». Другая сообщала, что подросток выполняет упражнение, но молчит, когда наставник просит объяснить его своими словами.

Рядом с обеими стояло согласие на использование для разработки — без имён и без дневников. Алексей переложил напечатанный лист поверх своего блокнота. Он представлял, как выглядит этот момент на занятии: остальные уже оделись, взрослый ждёт ответа, а подросток молчит. Сделать ответ доступнее казалось тогда простым и полезным делом.

На следующей папке значилось: «Вариант доступного объяснения». В списке согласующих стоял Ключев. Ниже — ещё семеро, среди них двое специалистов по общению с детьми, которых Алексей знал лично.

Первый опытный режим показывал готовую фразу сразу, без отдельного запроса. Она была отмечена как машинная,

отодвинута от поля собственного ответа и не попадала в журнал, пока человек не нажимал «Сохранить». В кратком отчёте прямо говорилось: некоторым участникам стало легче вступать в разговор, число незаполненных полей уменьшилось. Рядом, меньшим шрифтом, стояло предупреждение: «Уменьшение числа пустых полей не может рассматриваться как рост самостоятельной инициативы».

Предупреждение исчезло из поздней сводки. Алексей потянулся за стаканом, отодвинул его от бумаг и сверил номера редакций с журналом изменений.

В одном из последующих документов исчезла даже старая кнопка «Мои слова». Вместо неё появилось предложение, над которым можно было работать: исправить, переписать, оставить. Источник показывался по запросу, а не постоянно. Участнику по-прежнему разрешали ничего не сохранять. Однако учётная запись о просмотре фразы создавалась уже в момент её появления на экране.

Нина Руднева принесла чай в стакане с отбитыми краями и поставила у него под рукой.

— Не хочешь — не пей. Всё равно поставлю, — сказала она. — В этом зале прохладно.

Алексей поблагодарил и спросил, можно ли увидеть авторов последнего изменения.

— Там же фамилии.

— Я вижу согласующих. Мне нужны те, кто переписал пункт о сохранении.

— Авторы текста указаны в замечаниях. А что ты ищешь

— фамилию того, кто виноват?

— Пока только старую формулировку.

— Тогда ищи старую формулировку.

Она ушла, прихватив со стола пустую коробку. Сдвинутая к краю тарелка с мандариновой кожурой осталась на соседнем месте: дежурный, видимо, заходил сюда во время перерыва.

* * *

Ближе к полудню позвонил Ключев.

— Ты в архиве? — спросил он вместо приветствия.

— Удивительно быстро у нас передаются новости.

— Нина сказала, ты не забрал ключ от шкафа. Она боится, что снова будут искать его три недели. Я по другому делу. Мне нужна подпись по расписанию испытаний. Там дети ждут.

— Подпись на что?

— На перенос времени общей проверки, чтобы не занимать зал в день занятий. Это не твой запрещённый аудит, не бойся. Я пришлю.

В уведомлении были только помещение и часы работы. Алексей проверил две строки и поставил подпись.

— Спасибо, — сказал Дмитрий. — Как Маркова?

— Не дала записей.

— Правильно сделала.

— От тебя неожиданно.

— Почему? Это её люди. Не твои и не мои. Ты к ней за словами пришёл, а она не обещала тебе их дать.

За спиной у Ключева кто-то спросил, можно ли открыть окно. Дмитрий сказал: «Нет, сначала закройте дверь». Вернувшись к разговору, он спросил:

— Что ты ищешь у себя в бумагах?

— Момент, когда помощь с формулировкой стала выглядеть как личное объяснение.

— Она стала доступнее. Раньше дети оставляли пустое поле, потому что даже не знали, с чего начать.

— Я видел. Но подсказывать и писать от их имени — разные действия.

— Конечно. Там и предусмотрено редактирование.

— Для того, кто понимает, что перед ним предложение, а не его собственный ответ.

— Не каждому ребёнку нужна табличка с названием источника. Иногда он только из-за неё и бросает разговор.

— А если таблички нет, кто объяснит ему разницу?

Дмитрий помолчал. Затем сказал:

— Я не могу решить это по телефону. Мне надо закончить с залом. Вечером могу показать, что мы тогда получили на испытаниях.

— Мне сейчас нельзя смотреть испытания.

— Тогда не покажу. Ничего, Алексей, потерпишь. И ты попробуй не считать всё вокруг умышленной порчей.

Связь оборвалась. Алексей отложил терминал. На экра-

не по-прежнему стояли рядом две редакции: в одной ребёнок должен был сам попросить подсказку, в другой подсказка уже ждала его.

На соседнем столе кто-то оставил перчатку без пары. Руднева, вернувшись, подцепила её двумя пальцами, заглянула внутрь и положила к биркам. Из окна было видно, как дворник разгребал листья вдоль мокрой скамьи, хотя через минуту ветер возвращал их обратно.

Алексей дошёл до приложения с переходными правилами.

* * *

Сначала он увидел собственную подпись и решил, что ошибся файлом.

Алексей отодвинулся от стола. За перегородкой застучали жестяные бирки: Руднева пересыпала их из коробки в коробку. Он подождал, пока стук стихнет.

Документ был знаком. Четыре страницы о совместимости новых учебных окон со старыми журналами. Срок испытаний — ограниченный, участники — добровольцы, отчёты — для настройки интерфейса. Несколько специалистов поставили подписи о том, что прежние сведения нельзя автоматически переносить в новые разделы. Алексей тогда настоял, чтобы эта оговорка осталась.

Подпись стояла на третьей странице, внизу. А на четвёртой появился перечень допущенных преобразований. Его он не помнил.

«Просмотр предложенного объяснения может учитывать-ся как получение участником итоговой формулировки при отсутствии отдельного действия сохранения».

Слова были знакомые, слишком знакомые. Он видел похожую логику в отчёте, который показывал ему Ключев: одно поле относилось к предложенному тексту, другое — к уверенности в инициативе. Затем показатели оказывались рядом и различить их становилось трудно. Здесь речь шла только о том, получил ли участник итоговую формулировку. Не о том, согласился ли с ней. Но на таком языке незаметно строились будущие сводки.

По отметкам журнала четвёртая страница не была дописана задним числом. Она входила в пакет, который он подписал. На его терминал тогда вывели общий текст и отметку, что список допущений не затрагивает права участника менять записи. По правилам согласования это было достаточно: архитектор подтверждал соблюдение границ системы, не участвуя в каждом изменении интерфейса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.